

ИЗ КИРКИ — В СТРИЖИ.
ИЗ ПЕЛАА — В ЛЕГЕНДУ.

ОГНЕННЫЕ СТРИЖИ

КНИГА 1

ПЕТР ПЕРОВСКИЙ

Петр Перовский

Огненные стрижи. Книга 1

<https://litres.ru/73121783>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда Империя приходит освобождать — города горят, люди исчезают, а на теле свободы появляются выжженные клейма.

Титус давно забыл, кем был раньше. Для надзирателей мифриловых шахт он всего лишь Кирка — сломленный рудокоп, переживший неудачный бунт и предавший своих товарищей. Так говорят все. Так должен думать и он сам.

Но появление нового раба меняет всё.

В сырой темноте подземелий, среди крови, цепей и бесконечной пыли, начинает оживать то, что Империя пыталась уничтожить много лет: воля. А вместе с ней — старые тайны, незавершённые планы и ненависть, способная поднять мёртвых.

Пока одни пытаются выжить, другие готовят заговор.

Пока Империя празднует порядок — под её фундаментом рождается нечто куда страшнее бунта.

«Огненные стрижи. Книга 1» — тёмное героическое фэнтези о рабстве, предательстве, памяти и людях, которые слишком долго жили в цепях, чтобы снова бояться боли.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЛИАМ. Трущобы	95
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Огненные стрижи. Книга 1

ПРОЛОГ

Никогда не думал, что смогу привыкнуть к этому дрянному лежаку, набитому влажной соломой. В первые месяцы рабства я не мог нормально выспаться на нём, дрожа от холода. Позже он стал моим родным пристанищем, где я мог хоть ненадолго забыться сладким сном. Но со временем сны потускнели, превратившись в один и тот же кошмар...

Этой ночью мне снова приснилась проклятая кирка. Она словно стала частью меня. Я пытался избавиться от неё, перегрызая себе руки, как вдруг...

— Подъём, твари! — гулким эхом отразился от свода пещеры рык надзирателя.

Моё тело инстинктивно отреагировало, поднявшись с лежака и встав по стойке смирно. «Я лишь инструмент для добычи руды», — подумал я. — «Кирка!»

Киркой быть проще, чем человеком. Не нужно думать о тепле, пище и отдыхе. Просто дроби камни, высекая искры, пока не появится фиолетовое свечение энергетической руды.

Надзиратель обходил ряды лежаков, высвечивая горящим факелом измождённые лица рабов.

— Четыре, пять, шесть... — бормотал он, тыча очередного рудокопа короткой дубинкой. — ... Девять, десять,

один...

Надзиратель остановился, недоговорив. Обычное дело — недосчитался раба. Тот либо умер, либо не услышал команду подъёма. Какая мне разница! Я же кирка!

— А ты чего разлёгся, твою мать! — взревел надзиратель, резко опуская дубинку в направлении лежака одиннадцатого раба.

Прозвучал вскрик, затем стон.

— А ну! — надзиратель больно толкнул меня в плечо дубинкой. — Подними его!

Я покорно подчинился, хватая бедолагу под мышки и помогая ему встать. Его спина была влажной и горячей. В нос ударил сладковатый тошнотворный запах — его раны от плетей начали гноиться.

Я вдруг вспомнил, как сам находился в состоянии горячки, изнывая от боли в спине. Кажется, с тех пор прошли годы...

— У него жар, — просипел я и удивился собственным словам.

Я не говорил уже целую вечность, и вдруг решил нарушить молчание из-за внезапно нахлынувшего сочувствия?

— Что ты сказал, Кирка? — вкрадчиво проговорил надзиратель, поднося к моему лицу факел.

— К запаху гниения добавился запах опаляемых волос с моих бровей. Надзиратель ослабил и замахнулся дубинкой, целясь мне в голову.

Я даже глазом не моргнул. Лишь подумал: «Я кирка».

Но удара не последовало. Они не любили меня бить, потому что ни один из них не получал от этого удовлетворения. Я настолько привык к боли, что научился терпеть её невозможно, отстранённо. Ни звука от страданий, тем более мольбы о пощаде, ни один из надзирателей от меня так никогда и не добился.

Его мерзкая улыбка стала шире.

— Нет-нет! — ехидно сказал надзиратель, тряся дубинкой перед моими глазами. — Это слишком лёгкое наказание для тебя. До того момента, пока ЭТО ВОТ не сдохнет! — Он ткнул бедолагу в живот. Тот вновь застонал, обмякая в моих руках.

— Или не поправится, — иронично добавил надзиратель. — Будете работать в паре. И норма у вас будет двойная. Ты меня понял, Кирка?!

Я молча кивнул, осознавая, что буду стучать сегодня за двоих.

— Славно. Двенадцать! — с восторгом сказал надзиратель и резко ударил меня по лицу дубинкой.

Правый глаз залило черно-красным. Что-то влажное и горячее потекло по щеке, капая на грудь бедолаги, которого я всё ещё придерживал.

«Ну, ничего! Скоро ублюдок дойдёт до двадцать пятого, и появится возможность остановить кровь», — подумал я.

— Двадцать один, двадцать два, — всё тише раздавался

голос удаляющегося надзирателя.

Мерцая, свет от его факела последний раз лизнул наши с бедолагой сплетённые фигуры, и мы оказались в полной темноте.

— Двадцать пять!

Я аккуратно опустил бедолагу к своим ногам. Слышно было, как он скрежетнул зубами — каждое движение приносило ему боль, но он решил её перетерпеть.

«Правильно, кирка!» — похвалил я его мысленно, вытягивая из-за пояса штанов один из заготовленных лоскутов грубой ткани, пропитанной морошкой. Скрутив лоскут в бинт, я с силой приложил его к месту рассечения. Рана запузырилась и зашипела. В воздухе раздался маслянистый запах нефти. Кровь была остановлена.

Я расправил лечебный лоскут и заткнул его обратно за пояс. Затем аккуратно подхватил бедолагу под мышки и поднял его, как раз в тот момент, когда надзиратель закончил подсчёт рудокопов.

Он возвращался назад. За ним, начиная с тридцать четвёртого, тянулась колонна рабов, в такт маршируя босыми ногами. Я закинул руку бедолаги себе за голову и, всё ещё придерживая его, начал топтаться на месте, подстраиваясь под шаг колонны.

Раз... Два... Раз... Два... И... Я шагнул за тринадцатым, примкнув к безмолвному маршу.

Бедолага висел на моей шее балластом, еле переставляя

ноги. Но несмотря на тяжесть ноши, жар от его тела согревал меня, а запах морошки успокаивал. К тому же нам предстоял спуск. И я малодушно надеялся на то, что до тяжёлого подъёма обратно к лежакам бедолага не доживёт.

На выходе из пещеры, где мы спали, к нам присоединился конвой. С этими ублюдками шутки были плохи. В отличие от надзирателей, стражники конвоя были вооружены острыми как бритва мечами. Вздумаю я повторить свою недавнюю выходку в присутствии стражника — лишился бы жизни.

Мы вышли в главный тоннель шахты. Дорога здесь была устлана досками. На стенах, через каждые десять метров, горели факелы, освещая нам путь к месту добычи руды.

Спустя какое-то время цепочка рабов начала разрываться на звенья. Небольшие группы стали разбредаться по оридерам шахты, расположенным по разные стороны от главного тоннеля.

Наконец, пришла наша с бедолагой и тринадцатым очередь нырнуть под своды ответвления, где нас ждали с десятков необработанных мифриловых жил.

— Стоять, Кирки! — скомандовал надзиратель.

Мы остановились. Пассажир, висящий у меня на шее, застонал и обмяк, потеряв сознание.

— Тринадцатый! В следующую! — надзиратель указал дубинкой на следующую по ходу штольню.

Тринадцатый, бросив на меня озабоченный взгляд, нерешительно направился дальше. За что получил от надзирате-

ля увесистого пинка.

— Надо же, рассечку прижёт! — удивлённо протянул надзиратель, поправляя пояс и вглядываясь в моё лицо. — Когда успел, шельма? Ну! Тебя спрашиваю!

Это была провокация. Разговаривать рабам в шахте было строго запрещено. Для этого существовало специальное помещение — комната допроса, но, как правило, оттуда невольник попадал прямиком в печь.

— Молчишь, кирка? Ну, молчи-молчи, — с издёвкой произнёс надзиратель, затем обратился к стражнику, поставленному для охраны нашей штольни:

— У тебя усталый вид, — надзиратель говорил так тихо, чтобы его могли слышать только мы с бедолагой и стражником. — Штольня напичкана мифрилом. Ты же знаешь, как опасен его свет, особенно для уставших глаз.

Надзиратель подмигнул стражнику и продолжил:

— Карауль у входа. Не обязательно смотреть за ними постоянно. К тому же, несчастные случаи всегда бывают...

— Какие, например? — так же тихо спросил стражник.

Оба мерзко улыбались, словно две насытившиеся паразитами жабы.

— Например... — протянул надзиратель, деланно задумываясь. — Мало ли... Может, по окончании смены у одного из них обнаружат кирку в башке.

Оба беззвучно прыснули.

Уроды! Очередная ловушка, из которой мне не выбрать-

ся. Какого чёрта я открыл свой рот?! Но сокрушаться было поздно, надзиратель уже начал со мной игру. Так уж они развлекались здесь, подставляя рабов под определённые условия, за невыполнение которых раб заносился в чёрный список, как этот бедолага, висящий у меня на шее. Рабы из такого списка долго не живут.

Моим условием, как неоднозначно намекнул надзиратель, было убийство. Причём убийство определённым способом, которое грозило мне карзером — одиночной темницей. Я знал, что из карзера возвращаются плохие рабы, не способные держать в руках кирку. А как говорят надзиратели: «Плохой раб — мёртвый раб!»

В общем, перспективы у меня, мягко говоря, были не радужные...

Кирки были выданы. Кандалы нацеплены. Я методично разбирался с мифриловой жилой, которую начал обрабатывать ещё вчера, периодически бросая взгляд на бедолагу. Тот, слабо держа свою кирку, сидел неподалёку, прислонившись к холодной каменной стене штольни и тяжело дышал.

Несмотря на его болезненное и избитое состояние, выглядел он гораздо здоровее и упитаннее остальных рабов. И не удивительно. На нижний ярус его приволокли всего лишь неделю назад. Его определили на одиннадцатый лежак, а значит, и в нашу с Тринадцатым штольню, о чём (как мне неоднократно заявлял Тринадцатый) мы сильно пожалели.

Парень был дерзок и скор на язык, поэтому-то я и дал ему

такое незамысловатое прозвище — Бедолага. Каждый день доставалось ему изрядно: тумак, затрещины, дубинки, плети. Обычно такого набора истязаний хватало, чтобы сломать практически любого раба в течение трёх - четырёх дней. Бедолага продержался шесть, а на седьмой день, надо отдать ему должное, его свалила лихорадка.

Впервые за много лет, проведённых в шахте, я испытывал душевные муки выбора. Во мне боролись две сущности. Для кирки всё было очевидно — мне всего-то нужно было выполнить условие надзирателя и убить Бедолагу быстрым и точным ударом. Это меня не пугало. Ранее мне приходилось выполнять условия и похуже, связанные с унижением и истязанием рабов. Бедолагу же ждала быстрая смерть, а меня — относительно лёгкое наказание. Но вот человек, который пробуждался во мне теперь только во снах, требовал пощады для одиннадцатого.

всё эти шесть дней, проведённых с Бедолагой, я раздражался на его упрямство и неприятие участи вечного рудокопа, в тайне завидуя его стойкости. Ведь я тоже когда-то был человеком, для которого свобода была превыше пыток, истязаний и самой смерти. А Бедолага напомнил мне об этой моей человечности...

Ублюдки ломали меня почти три месяца, прежде чем сделать своей киркой. Я отчаянно сопротивлялся, бросая вызов закоренелому устою рабского труда в шахте, подавая пример остальным рудокопам. Я подговаривал заключённых на

бунт, не думая о последствиях, и в конце концов, тех немногих, кто был со мной в сговоре, жестоко пытали на моих глазах, предлагая мне, как главному подстрекателю, облегчить их участь. На третьем рудокопе я сдался, всадив бедолаге кирку промеж глаз. Он сам умолял меня об этом.

Но на этом мои мучения в роли палача не закончились. Благодаря еженедельным поставкам империи недостатка в рабсиле у рудников не было. К рудокопам относились как к расходному материалу, поэтому неудивительно, что надзиратели заставили меня убить каждого раба, с кем я хоть когда-то контактировал. Меня же — сломленного и измученного терзаниями совести — оставили в живых, в назидание остальным, в ком ещё теплилось бунтарское начало. Прошло ещё немало времени, прежде чем мои руки перестали дрожать, когда в очередной мифриловой жиле появлялись лица тех, кого мне пришлось когда-то убить. Так из человека я превратился в кирку.

Углубившись в воспоминания, я чуть не долбанул по мифрилу железным концом кирки. «Сентиментальный идиот!» — в сердцах подумал я. — «Чуть не испортил руду!»

Железо мифрил не любил. Взрываясь электрическим разрядом, он плавил кирку, обжигая её хозяина, при этом бесценная руда угасала навсегда, превращаясь в обычный камень. Для того чтобы вытащить мифрил из жилы, требовался обсидиановый наконечник кирки.

Укоряя себя за невнимательность, я перевернул кирку

другой стороной и вгрызся обсидианом в основание энергетического камня.

Выковыривать руду обсидианом было сложнее, чем найти её в жиле. Для этого требовалась чуть ли не ювелирная аккуратность. В противном случае можно было расколоть камень, что, опять же, приводило к его непригодности. За каждый испорченный экземпляр на раба накладывались штрафы — официальные меры наказания в виде лишения дополнительного пайка или часа сна. За перевыполнение плана по добыче руды предусматривались и аналогичные вознаграждения, но планка была настолько завышена, что дотянуться до нее изможденному рабу было невозможно. О предстоящей же мне выработке двойной нормы я даже и не думал.

Освободив мифрил из жилы, я подцепил его обсидиановым наконечником и аккуратно подхватил камень рукой, облачённой в специальную защитную рукавицу. По понятным причинам нельзя было прикасаться к мифрилу голыми руками, если, конечно, ты не хотел стать проводником мифриловой энергии. Однажды я был свидетелем такого происшествия, когда буквально за секунду опытный рудокop превратился в обугленный сосуд, из глазниц которого тошнотворным паром вырывались кипящие внутренности. Оказалось, дело было в маленькой дырочке на изношенных защитных верхонках.

Также мифрил источал огромную дозу радиации. Её фон в организме сбивался специальным зельем, ингредиентами

которого являлись: коровье молоко, настой из виноградных листьев, йод, несколько капель морошки. В отличие от остальных ингредиентов, последний всегда был в избытке. Морошка сочилась из каждой щели в мифриловых штольнях, и сама по себе являлась отработкой застоявшейся в жилах руды. Она обладала антисептическим, анестезирующим эффектом и, как ни странно, хорошо помогала против радиации. Как говорится — клин клином вышибают.

Я уложил мифрил на одну из полок стеллажа, на котором, сверкая ядовито-фиолетовым блеском, покоились ещё пять таких же камней.

«Только треть одной нормы», — подметил я отстранённо. — Перерыв, кирки! — раздался голос стражника.

По совету надзирателя он дежурил вне штольни и, заглянув внутрь, удивлённо пялился на всё ещё живого Бедолагу.

— А ты не торопишься, кирка! — присвистнув, с усмешкой заметил стражник. — Зачем заставляешь одиннадцатого мучиться? Или наметил сделать двойную норму?

— Стражник бросил взгляд на стеллаж с мифрилом. Его улыбка стала притворно сочувственной. Поцокав языком и помотав головой, он добавил:

— Не густо, кирка. Ты же знаешь правила. Два рудокопа в штольне — две нормы. Если, конечно, один из них не мёртвец. Кекх-кекх!

Стражник разразился кричающим смехом, который ещё какое-то время раздавался за пределами штольни после его

ухода.

«Издевается, сволочь!» — зло подумал я. — «Торопит меня. Небось, поставил на то, что я прикончу одиннадцатого до обеда».

Естественно, надзиратели и стражники делали ставки на то, как и когда будут выполнены условия. В итоге рабу доставалось по первое число от проигравшего. Всегда приходилось выбирать меньшее из зол. В моем случае меньшим злом был стражник по прозвищу Кек — его удар был слабее, чем у надзирателя, которого рабы прозвали Зверюгой.

Стоило бы отдать предпочтение Зверюге, который, я был уверен, поставил на то, что я убью Бедолагу в конце рабочей смены, но плевать я хотел на него и на его треклятую дубинку!

Бедолага был совсем плох. Его всего трясло. По бледному голому торсу ручьями стекал пот, вопреки пронизывающему холоду штольни. Несмотря на безжизненный отсутствующий взгляд, одиннадцатый корчился и постанывал от нестерпимой боли. С ним надо было кончать, хотя бы из-за пресловутого человеческого милосердия.

С киркой в руке я навис над Бедолагой, внимательно вглядываясь в его юное лицо — хотел запомнить его, зная, что наряду с остальными лицами, буду видеть его перед собой, ударяя киркой по мифриловой жиле. Ему было не больше тридцати, и в его чертах читалась порода — высокие скулы, прямой аристократический нос, полные чувственные губы,

которые сейчас были перекошены от боли. Карие глаза, казалось, впитывали последние отблески свечения руды, а густые вьющиеся волосы, когда-то наверняка аккуратно уложенные, теперь спутались и падали на бледный лоб. В его внешности было что-то неуловимо знакомое, словно я уже встречал когда-то этого человека в другой жизни, где не было кирок и мифриловых жил.

В голове, словно в бальном танце, пронеслись образы рядных молодых людей. Зазвенели бокалы с дорогим игристым вином. Зажурчал переливистым ручьём девичий смех...

Глаза защипало от слёз, а в груди что-то болезненно сжалось.

«Ну что же ты, Кирка! — печально подумал я, пытаюсь подавить нахлынувшие воспоминания из прошлой жизни. — Ты же знаешь, здесь нет места ностальгии».

Я занес кирку над головой Бедолаги и сквозь слёзы увидел, как тот из последних сил складывает руки в знакомом жесте:

— Не убивай!

«Показалось?» — подумал я в замешательстве и сморгнул застывшие в глазах слёзы. Нет, мне не показалось.

Я опустил руку, всё ещё сжимая кирку.

— Откуда ты знаешь этот язык? — спросил я его жестами.

— Смотрел на тебя и... — начал сбивчиво объяснять Бедолага, запнулся и показал мне пальцами одной руки две пя-

тёрки и тройку.

— Тринадцатый! — поправил я его.

— Парень слабо кивнул, повторив за мной жест "Тринадцатый" и добавил:

— Я быстро учусь.

Я кивнул в ответ, признавая, что парень оказался не промах. Всего за шесть дней он научился не только понимать, но и сносно объясняться жестами заключённых.

«Если, конечно, он не знал их до заключения», — промелькнула бредовая мысль.

Язык был тайным. Его создали после того, как я попал на рудники, точнее — после моего неудавшегося бунта, из-за которого рабы в штольнях замолчали навсегда.

— Взгляд Бедолаги вдруг стал ясным и выразительным. Он быстро сложил жестами два слова: «Помоги мне». Затем его тело напряглось, изогнулось в причудливую позу, словно при агонии. Глаза готовы были вырваться из орбит. Зубы сжались до ломоты. Он с шумом выдохнул и замер, погрузившись в беспамятство.

Я ругал себя последними словами, переворачивая Бедолагу на живот и используя всё свои запасы лечебных тряпиц, чтобы наложить их на многочисленные рубцы на его спине.

Лоскуты ложились на спину, словно бекон на раскалённую сковороду, оглашая безмолвную штольню шипением. После лечебной процедуры я вернул Бедолагу в исходное положение, прислонив его спиной к стене. Такое себе положе-

ние, учитывая его раны. К тому же лоскуты могли съехать, если бы Бедолага сменил позу. Но мне не хотелось, чтобы оппоненты, которые затеяли этот жестокий спор узнали о моей помощи одиннадцатому. Нужно было потянуть время до конца смены.

— За работу! — раздалось снаружи, и я тут же принялся стучать.

До обеда мне удалось добыть ещё четыре камня. Невесть что, но по крайней мере появилась надежда выполнить хотя бы одну норму. Я стучал не для себя, а для Бедолагы, надеясь, что ему станет лучше и ублюдки не тронут его, пока разбираются со мной. Оставался лишь вопрос времени — когда меня прикончат за невыполнение условия. Лишь бы увидеть Тринадцатого перед смертью.

— Обед, кирка! — сказал Кек, показавшись в проёме штольни.

Я обернулся и увидел, как стражник разочарованно смотрит на Бедолагу, который сейчас сидел с открытыми глазами.

«Что, съел?!» — удовлетворённо подумал я.

Снаружи раздалось гроыхание досок — по главному проходу шахты катили тележку с едой.

— Стройся! — неподалёку проревел голос Зверюги.

Мерный стук кирок, до того звучавший в разных уголках шахты, резко оборвался. Отложив кирку, я подтянул за цепь гирию от кандалов так, чтобы длины цепи хватило до выхода из штольни.

Бедолага сделал неловкое движение, собираясь подняться, но я остановил его жестом: «Не вставай!». Тот еле заметно кивнул и вновь расслабился.

Я стоял в проходе и ожидал тележку с едой. У моего левого уха скрежетал зубами и сыпал бесзвучными проклятиями Кек.

«Гад! Ждёт не дожётся, когда представится возможность отомстить мне за проигрыш! А вот хрен тебе! И хрен Зверюге! Бедолага будет жить!» — думал я.

Я дивился своим смелым мыслям и воинственному настроению. В моём сердце вскипала ярость, вытесняя из сознания жалкого и безропотного раба по имени Кирка. Наверное, дело было в том, что я готовился к встрече со смертью. И встретить её я планировал не один...

— А-а-а, Кирка! — довольно протянул Зверюга, поравнявшись со мной и заглядывая мне за плечо вглубь штольни. — Молодец! Заслужил двойной паёк.

— За что двойной?! — не скрывая раздражения, возмутился Кек. — Он ещё даже одну норму не закончил, а уже па-а-ащрение?!

— Ладно-ладно! Не пыли! — начал успокаивать надзиратель стражника, который уже был готов взорваться от негодования. — Нет никакого поощрения. Всего лишь две порции. Одна — двенадцатому, вторая — одиннадцатому.

— Но одиннадцатый не пришёл за своим пайком, — уже как-то обиженно проямлил стражник.

— Ну, будет тебе! — елеиным тоном проговорил надзиратель, гадко улыбаясь стражнику. — Мы ж не звери.

Не дожидаясь ответа Кека, Зверюга кивнул разносчику и тот принялся наполнять две деревянные миски водянистой кашей из здоровенной бочки, размашисто орудуя большим половником.

В это время я искоса наблюдал за стражником. Видно было, как Кек судорожно пытается что-нибудь возразить, чтобы отыгаться на мне за неминуемый проигрыш в споре. Но не знает, как это сделать, ведь я до конца спора был под покровительством надзирателя. На открытый конфликт со Зверюгой Кек тоже не мог пойти, несмотря на то, что они были равны по званию, у Зверюги всё же было больше связей в шахте из-за его причастности не только к ставкам, но и к ростовщичеству. Одно его слово — и Кеку, в лучшем случае, придётся шестерить на кухне, в худшем — выгребать дерьмо из нужников стражи. Кеку только и оставалось, что молча наблюдать за наполнением двух мисок и сжимать пальцами небольшой мешочек, висящий у него за поясом, с досадой прикидывая, насколько тот опустеет к концу смены.

Надзиратель же был преисполнен дружелюбия, предвкушая значительное пополнение в своём кармане. Я же, впервые за много лет, чувствовал удовлетворение от того, что к концу смены утру нос обоим и постараюсь забрать с собой в могилу хотя бы одного из них.

— Kha-zâd mâz, рудокоп! — бросил Зверюга и, Кивнув

разносчику, зашагал прочь, насвистывая похабный мотив из придорожного кабака.

— Я смиренно принял миски и повернулся вполоборота ко входу в штольню. Боковым зрением заметил, как Бедолага напрягся — попытался приподняться, опираясь на дрожащие, как у загнанного зверя, руки.

— СИДИ! — беззвучно артикулировал я, направляясь в его сторону, но нога уже зацепилась за подножку Кека. Споткнувшись, инстинктивно выбросил руку вперёд. Миска, описав дугу, глухо стукнула Бедолагу по виску. Тот осел, а я, падая, прикрыл вторую миску грудью. За спиной послышалось кхеканье. Ближе. Ещё ближе.

Пальцы, цепкие и холодные, впились в волосы. Рывок — лезвие прижалось к шее, оставляя тонкую алую полосу.

— Думаешь, сторону выбрал верно? — Кек шипел, будто гюрза перед ударом. — Жизнь — нитка. Перережу — даже пикнуть не успеешь.

— Я усмехнулся — тихо, чтобы он не услышал. Знал: стоит сместить центр тяжести — и меч окажется в моей руке, а его горло раскроется, как перезрелый плод. Но зачем спешить? Пусть потешится иллюзией власти.

Мышцы напряглись рефлексивно, но в этот миг Кек дёрнулся — словно почувствовал близость смерти, отпрянул, засеменя в темноту штольни. Трус. Как и вся его порода.

Бедолага сидел, облепленный кашей, словно дикарь в ритуальных украшениях. Он сгрёб остатки с локтя, облизал

пальцы, потянулся к полу...

— Не смей! — я резко поднял руку. — Там осколки руды! Всю ночь потом будешь свои кишки выблевывать.

Я поднял с пола миску, обтёр её края о штанину, перелил в неё половину своего пайка. Одиннадцатый взял посуду трепетными, дрожащими руками, будто это была хрупкая фарфоровая чаша.

— Ты намеревался убить его? — спросил Бедолага, когда последние остатки баланды исчезли из миски. Его движения были на удивление чёткими для человека, который только учит язык жестов.

Я промолчал, изучая потолок. Каменные своды напоминали мне старые карты — те, что висели в кабинете отца... Стоп. Не сейчас. Я вжал ладони в колени, отгоняя воспоминания.

— Не вышло бы, — Бедолага беззаботно ухмыльнулся, словно мы сидели и болтали за кружкой эля в таверне.

— Ты меня не знаешь, — парировал я, сдерживая раздражение.

— Знаю достаточно. — Он провёл языком по миске, оставив белёсую полосу на щеке. — Ты бы успел. Но что дальше? Убить десяток? Сотню?

Я взглянул на его бороду — спутанную, в комьях грязи. Он повёл головой, разминая шею, и в просвете мелькнуло клеймо: гномьи руны, вплетённые в шрам. Знак собственности. Точно как у тех, кого мы находили в разорённых шах-

тах...

— Зачем дёрнулся? — вместо ответа спросил я, вспоминая его недавнюю выходку. Бедолага сжал кулаки. Его лицо исказилось, будто под кожей зашевелились черви.

— Язык гномов... — Он невольно коснулся шеи, будто проверяя, цела ли кожа на месте клейма.

— Меня... продали им. — Жесты складывались рвано, как клочья дыма. — Два месяца... в основном в пути... Затем сбыли сюда.

Миска задрожала в его руках. Я кивнул — слишком хорошо понимал. Освобождение Амар - Зула... Великая цель Империи. А на деле — те же клейма, те же цепи.

— Зверюга как-то связан с гномами? — Бедолага резко перевёл взгляд на туннель, где скрылся Кек.

— Он их выкормыш, — я фыркнул, с силой сжимая пустую миску. Дерево затрещало. — Кичится этим, будто гномья милость делает его богом.

Где-то в глубине штольни заскрежетал металл. Мы оба замолчали, прислушиваясь. Влажный воздух внезапно показался гуще.

— А ты? — Бедолага жестом указал на мои руки, покрытые шрамами от оков. — Почему не сбежишь?

— Вопрос — пустой, — я показал два простых жеста, подчёркивающих риторичность вопроса Бедолагы.

Тот понял и широко улыбнулся своей дурацкой, и неуместной в этих стенах, улыбкой.

— За работу, вымяски!

Бедолага медленно встал и обхватил твёрдой рукой кирку. Я с удивлением наблюдал, как он, почти ровной походкой, брёл к одной из необработанных мифриловых жил.

«Правильно, кирка!» — с удовлетворением подумал я. — «Значит, будешь жить!»

Поначалу Одиннадцатый работал плохо. Я искоса наблюдал за его действиями и мысленно чертыхался каждый раз, когда он путал обсидиан с железом. Тогда я привлекал его внимание жестами и на своём примере показывал «как надо». Он, на удивление, быстро учился и к четвёртой пятиминутке уже добыл свой первый мифриловый камень. Единственный случай на моей памяти, который заставил меня даже улыбнуться.

На пятиминутках мы общались, используя жесты...

— Я так понял, ты ввязался в какую-то игру с Кеком и Зверюгой? — спросил меня Бедолага.

— Да, и ты в ней пешка.

— Говоришь так, будто ты ферзь!

— Обучен игре в шахматы? — спросил я, оценивающе глядя на Одиннадцатого.

— Немного... — уклончиво ответил он.

Я подобрал острый камешек и начертил на полу шахматную доску. Затем нашёл ещё три и разложил их на поле.

— Вот это ты, — я указал на камешек, что лежал на квадрате «С-2». — Это я, стою на «В-3». Пока что тоже пешка.

Указав на камень побольше, сообщил, что это Кек — офицер.

— Слон? — уточнил Бедолага.

Я кивнул, размышляя на тему обозначений шахматных фигур. Парень был не из имперцев. Никто в империи не называет офицера слоном.

Кек стоял на несколько клеток позади, и его удар приходился в аккурат на то место, где стоял Бедолага.

— А это Зверюга — король!

Камень лежал в самом конце шахматной доски в квадрате «В-8».

— Мне осталось сделать два хода — и стану ферзём.

— А меня ты решил не убирать с поля, иначе тебя уберёт Кек.

— Верно!

— Но король-то твой, получается.

— Это он так думает...

Я сделал два хода своей фигурой, став ферзём. Третьим — отправил её на Зверюгу, выкинув того с поля.

— Выглядит красиво, хоть и не по правилам, — Бедолага ухмыльнулся.

— Правила устанавливают надзиратели, а мы их нарушаем. Наше с тобой общение уже вне правил.

— А как ты намереваешься нарушить это правило? — он указал на короля, валяющегося вне шахматного поля.

«Ишь ты — любопытный! Шишь тебе, Бедолага! Слиш-

ком мутный ты парень для откровений», — подумал я одно, но жестами объяснил другое:

— Помогая тебе, я саботировал игру. В начале — для Кека, в конце (когда тебя обнаружат целёхоньким, да ещё и с выработкой нормы) — для Зверюги. Это сигнал для последнего. Со мной нужно кончать! Но сделать это можно только по правилам, которые устанавливают ублюдки посерьёзнее надзирателей и стражи. Я, знаешь ли, в особом списке этих угнетателей.

Бедолага соорудил весьма редкий в обиходе рабов жест:
— Сломка!

Я весьма удивился, хоть и не подал виду. Но Бедолага, почувствовав, что «взболтнул» лишнего, поспешил объяснить:

— Так меня назвал Тринадцатый, после четвёртого дня моего заключения. Он указал на тебя, потом изобразил этот жест и перевёл его на меня. Ты тогда, помню, помотал головой и изобразил что-то вроде креста. Смерть, надо полагать.

Тринадцатый... Оторвать бы руки этому болтливому идиоту, да боюсь — не успею...

Да, такое было. Бедолага тогда был без сознания после очередной Зверюгиной взбучки. Притворялся, шельмец!

— Не смерть, а «закрой свой болтливый рот!» — вот что я показал тогда Тринадцатому.

Но Бедолага вновь ухмыльнулся, прекрасно понимая, что в том диалоге я записал его в смертники. Мне же было не

до смеха.

— Будь аккуратен с такими, как я, кирка!

Я вперился в Бедолага своим самым свирепым взглядом, на который даже тигры боялись ответить. По крайней мере, такие ходили обо мне легенды во времена моего Центурионства.

Бедолага выдержал взгляд. Не из робкого десятка. С таким молодцом я бы послужил, будь он на моей стороне, конечно. Хотя... За всё это время рабского существования я мог и растерять всю свирепость во взгляде.

— Сломки — в прошлом бунтари! А сейчас — это самые преданные рабы для своих угнетателей. Малейший косяк с твоей стороны в присутствии Сломки — донос!

— Значит, мне, равно как и Тринадцатому, повезло, что ты не Сломка!

Сломка... Я настолько вжился в роль Кирки, что практически убедил себя в обратном. Но, похоже, сегодня наступил тот день, когда пора было просыпаться.

— Что это за знак на твоей кирке? — неожиданно спросил Бедолага, указав на высеченные на рукояте имперские цифры.

Я промолчал, даже не взглянув на кирку.

— Шестнадцать, верно? Словно когтями выцарапано. — не угованивался Одиннадцатый. — Это её предыдущий владелец?

— Кирка и есть владелец, — бросил я жестами.

На этот раз Бедолага не понял. А я не стал объяснять, боясь потревожить призраков прошлого...

— Получается, сегодня твоя последняя смена?

Я промолчал.

— Мне жаль, что ты ввязался в эту игру из-за меня.

Я промолчал.

— После тех слов о моём жаре, на построении у лежаков.

Проницательный чертяга! Если так и дальше пойдёт, может, сумеет выбраться из этого кошмара.

Смена близилась к концу. Я помогал Бедолаге переложить четыре энергетических камня со своего стеллажа на его стеллаж, осознавая, что завтра он непременно сделает свою норму сам.

По шахте пронёсся звук глухого колокола, извещающий о завершении всех работ. Времени осталось немного, прежде чем нас разлучат с Бедолагой. Возможно, навсегда.

— Смотри внимательно и не перебивай! — жестикулировал я. — Не лезь на рожон! Будь паинькой. Держись Тринадцатого. Он хоть и дурак, но не предатель. У меня есть план, который при лучшем раскладе может не только сохранить нам жизни, но и помочь выбраться. При худшем... Если в течение недели от меня не будет вестей — считайте, что мой план провалился.

Неподалёку от нашей штольни послышалось лязганье металла. В проходе появился Зверюга. Позади него стояли трое стражников с мечами наголо.

Я с вызовом смотрел на Зверюгу, лицо которого выражало злость, смешанную с любопытством. Бобовым зрением я уловил, как Бедолага напрягся, сверля меня взглядом, словно ждал команды к действию. Я слегка качнул головой, как бы говоря: «Не дёргайся».

— Взять его! — скомандовал Зверюга, указывая на меня пальцем.

Меня тут же скрутили, предварительно огрев плоской стороной меча по темечку. В голове зазвенело. Рассудок вместе со зрением помутнели. Я почувствовал, как пол уходит из-под ног, но меня тут же подхватили под руки, не давая упасть. Затем ткнули чем-то острым в районе поясницы. Я по инерции двинулся вперёд, еле передвигая ноги.

В основном коридоре шахты уже выстроились в шеренгу рудокопы. Ковыляя мимо них, я считал босые ноги в кандалах, не смея поднять головы, чтобы снова не получить отупляющий удар по голове.

Показательная и эффектная процессия! Надо отдать Зверюге должное — он знал толк в подавлении всякой воли. Когда меня сделали сломкой, многие в тайне надеялись, что я всё же не сломался и готовлю новый план побега, новый бунт... Но сейчас, провожая в последний путь самого известного бунтаря за всё время существования Имперских мифриловых копи, рабы, должно быть, испытывали крайнее отчаяние. Кто как ни я должен был сломать систему или умереть!

Но я настолько погрузился в мифоманию, что чуть не пропустил нужный момент для решительных действий. Спасибо Бедолаге. Он отрезвил меня, заставив Кирку заткнуться, и высвободил из заточения Человека.

«Не вешать нос, кирки! Я не сломаюсь до последнего вздоха! Я — Человек!»

Рабы остались далеко позади. Меня вели к единственному выходу из нижнего уровня — лифту, который вмещал в себя максимум пять человек. Ступени лифта скрипели под сапогами стражи. Я споткнулся, упал на колени, и в этот момент увидел её — едва заметную высежку на гнилом полу. Перечёркнутый треугольник, вырезанный лезвием кинжала, который я стащил у стражника в день первого побега.

Пять лет назад мы стояли здесь, прижавшись к стенке лифта: я, Сломка и трое других. Тогда символ был свежим, древесина вокруг него пахла смолой. Сейчас же трещины рассекли метку, словно шрамы.

— Готово, — прошептал тогда Сломка, дёрнув три раза за сигнальную верёвку, свисающую сверху.

— Его пальцы дрожали, но мы не заметили этого — слишком верили в план. Лифт тронулся, а я, глядя на высежку, думал, что это знак свободы. Не знал, что это клеймо предательства...

— Вставай, вымясок! — прикрикнул Зверюга.

Но мне не пришлось даже напрячься. Ублюдки подняли меня с колен и швырнули в лифт. Я впечатался лицом в сте-

ну. Зверюга ударил меня дубинкой по ногам. Я вновь упал на колени.

— Взгляд в пол! — сквозь зубы скрежетал Зверюга, опуская свою дубинку мне на голову. Я терпел, снова становясь киркой.

Лифт дёрнулся, качнулся, затем плавно и медленно начал поднимать нас наверх. Слишком медленно...

— Проход точно свободен? — спросил тогда кто-то из рабов, с кем мы делали эту безумную вылазку.

— Что за недоверие, кирка? — возмутился Сломка. — Я шкурой рисковал, чтобы усыпить стражу...

— Заткнитесь! — скомандовал я. — Лифт едет слишком быстро! Ты говорил, поднимать нас будет один стражник.

Я вперился взглядом в Сломку. Его выпученные глаза нервно бегали из стороны в сторону.

Сверху, сквозь щели в потолке лифта, показался просвет пятого уровня. Я машинально посмотрел наверх, и в этот момент Сломка резанул стоящего рядом Забоя.

— У него нож!!! — прохрипел Забой, захлёбываясь кровью.

— Доставайте меня!!! — кричал в панике Сломка, продолжая без разбора тыкать перед собой ножом.

Лифт стал подниматься ощутимо быстрее.

— Предатель! — ревел я, пытаюсь дотянуться до Сломки через исполосованный труп Забоя.

Лифт начал ровняться с проёмом, когда я смог дотянуться

до предателя, ломая ему кисть. Нож Сломки полетел вниз, воткнувшись остриём в пол. Я же схватил крысу за волосы и приставил свой нож к его горлу.

Лифт остановился на пятом уровне.

Один из нас был мёртв. Двое корчились на полу и молили о пощаде.

— Брось, Кирка! — скомандовал кто-то.

На нас была направлена добрая дюжина натянутых стрел.

— Ну и чёрт с вами! — рассмеялся я, впиваясь ножом в горло предателя-Сломки. Нож застрял меж шейными позвонков. Мне пришлось выпустить его.

Я стоял, раскинув руки, ожидая смерти. Но выстрелов так и не последовало...

— Пятый уровень, — пробормотал Зверюга.

Лифт вздрогнул, остановившись. Те же стены, облицованные деревом. Те же люстры на железных цепях со светящимися лампами.

Меня подняли с колен и снова ткнули остриём. Наша процессия зашагала по длинному и извилистому коридору. Свет от энергетических ламп был ярким, но обманчиво приятным для глаз. Если бы не кандалы, можно было бы подумать, что я иду по коридору казармы в окружении своей свиты.

Обстановка была спартанская — в воздухе чувствовался запах пота и стали, но не без толики воинской эстетики... За каждым изгибом коридора дежурили караульные в стандартной экипировке. Пластинчатый доспех, шлем. В руках

копье, на поясе гладиус — короткий меч. На стене, на уровне глаз, щит с символикой Империи — зелёный змей, пожирающий золотое солнце. При приближении караульные взмахом руки приветствовали Зверюгу и остальных стражей, кроме меня, разумеется.

Мы остановились у двери, окованной железом. Та самая дверь, ведущая в комнату допроса — царство Зверюги.

— Один за дверью, двое со мной! — скомандовал Зверюга.

Дверь открылась, исторгнув из допросной запах сырости и безнадёги. Босыми ногами я ступил на холодный каменный пол. Помещение было широким с низким потолком. Два горящих факела по обеим сторонам комнаты то и дело высвечивали зловещие контуры орудий для пыток, расставленных по всему периметру.

Мне послышался металлический звон, Взгляд зацепился за висящие цепи у левой стены. Оттуда сверкнул ясный отблеск голубых глаз... Шестнадцатый? Показалось... Я тряхнул головой, прогоняя кошмарные воспоминания.

В конце помещения стоял массивный дубовый стол, за которым стояло обитое бархатом кресло — трон для царственной особы, не иначе. По правую руку от «трона» — камин с догорающими углями.

— Чёртов идиот! — картаво выругался Зверюга. — Я же сказал поддерживать огонь!

Зверюга выудил из тёмного угла несколько поленьев и за-

кинул их в камин. Тот огрызнулся искрами, оббивая поленья, словно змей. Раздался мерный треск разрываемых волокон дерева.

«Треск-треск-треск...» — словно часы, отсчитывающие секунды до начала пыток.

Света в помещении прибавилось, но ненадолго. Зверюга, кряхтя, уселся в кресло, загородив собой камин. Свет от огня облепил его спину, бросая на меня могучую медвежью тень. Меня подсекли сзади. Я вновь упал на колени, полностью поглощенный тенью Зверюги.

Он начал копаться в ящиках. Раздался глухой перезвон посуды. Зверюга поставил на стол глиняный сосуд с рельефом виноградной грозди, из узкого горлышка которого торчала затычка из дубовой коры. Рядом звякнула кружка, грубая керамика которой контрастировала с изящным рельефом сосуда.

Зверюга огляделся по сторонам, словно что-то искал. Не найдя, с раздражением обратился к одному из стражников, стоящих у меня за спиной:

— Позови мальчишку!

Удаляющиеся шаги. Скрип петель. Дверь захлопнулась.

«Треск-треск-треск...» — трескали поленья на языке углей: «Пятый... Седьмой... Девятый...»

Я вдруг почувствовал кислый запах рвоты...

Пятый, Седьмой, Девятый. В этой же комнате. Только они на коленях, а я стою перед ними, точно как Зверюга, загора-

живая собой пламя камина, от которого веет холодом.

Вскрик Шестнадцатого. Скрежет зубов. Ему выламывают кости, выкручивают суставы, а надзиратель приказывает:

— Бей! И его муки прекратятся.

Двоих, замученных пытками, уже уволокли, остались лишь кровавые дорожки на каменном полу, сходящиеся у выхода...

К горлу подкатывает тошнота.

Снова вскрик.

— Бей, Кирка! Эти четверо не последние. А мои ребята только входят во вкус.

Мерзкий гогот угнетателей... Звук ломаемых костей... Вскрик Шестнадцатого... Пятый, Седьмой, Девятый — молят о быстрой смерти...

«Бей... Бей... Бей!»

Я не смог сдержать спазм. Желчь с кровью выплеснулась на колени Пятого. Тот вздрогнул от неожиданности.

Мерзкий смех угнетателей.

«Бей... Бей... Бей!»

Я занёс кирку над головой. Рукоять была гладкой и скользкой... Непривычно неудобной для бывалого рудокопа... Я ударил... Раз... Замах... Два... Замах... Три...

Мерзкий гогот...

Окровавленной рукой я нервно смахнул с губ горькую желчь.

— Правильно, Кирка. А теперь окажи милость...

Угнетатели расступились. Шестнадцатый висел на цепях у стены. Его широко расставленные руки и ноги были неестественно перекручены. Он сверкнул на меня ясным блеском голубых глаз, на губах появилась жалкое подобие улыбки. Храбрый парень...

Глаза защипало. К горлу вновь подкатило, но то была не желчь, а подавленный крик жалости и отчаяния.

Перед последним ударом всё стихло. Даже камин затаил дыхание.

— Центурион, — выдохнул Шестнадцатый, и это прозвучало громче любого крика. — Ближе...

— Я, словно в трансе, подался ближе и Шестнадцатый, еле слышно произнес:

— Пятая дверь... слева от... пыток... труба...

«Прости...», — прошептал я дрожащими губами.

Шаг назад... Последнее усилие воли, чтобы унять дрожь в руках... Взмах...

Я вонзил ему кирку под рёбра, разрывая обсидианом наши сердца, и упал на колени, опираясь на рукоять кровожадного инструмента. Из глубокой раны Шестнадцатого на мою голову хлынула кровь, заставляя её опускаться всё ниже и ниже... Кровавый ручей стекал с волос на пол, образуя тёмную лужу, которую впитывала моя мерцающая тень.

«Теперь ты часть меня...» — беззвучно шептал я, впинаясь ногтями в рукоять. Дерево крошилось под пальцами, но я давил сильнее, пока кровь не выступила из-под сломанных

ногтей, смешиваясь с кровью Шестнадцатого.

Х... V... I... — каждая алеющая цифра, будто рана на живом теле, жгла, как раскалённая игла.

— Правильно, Сломка! — каркнул, словно могильный ворон, Зверюга и вырвал кирку из моих безвольных рук.

Он повертел орудие, любуясь тем, как кровь стекает на лезвие.

— Смотри-ка... Шестнадцатый даже мёртвый метит своё. Тот же мерзкий гогот...

Я сжал кулаки. Меж пальцев сочилась алая жижка — его кровь и моя. Одна на двоих. Теперь она будет сохнуть под моими ногтями, как проклятие.

«Пятый... Седьмой... Девятый...» — трещали поленья в камине.

«Треск-треск-треск...»

— Я заметил, как сжимал кулаки наяву. В груди вскипала ненависть к Зверюге. За спиной слышалось сиплое дыхание единственного стражника...

«Левша», — как я подметил ранее. — «Ножны — на бедре, справа...»

Я определил траекторию, по которой должен выстрелить прыжком, словно сорвавшаяся пружина.

Руки скованы наручниками за спиной. Длина цепи стандартная, давно мной измеренная. На моей кирке была незаметная зазубрина, по которой я ориентировался, делая на протяжении двух лет каждодневные упражнения с проворо-

том плечевых суставов.

Ноги напряглись от самых кончиков пальцев.

Прыжок... Стремительный и смертоносный. Моя голова, со скоростью пущенной стрелы, врезалась в подбородок стражника, выламывая ему челюсть. Пока тот, хрипя и булькая, падал, я провернул через голову закованные руки и, не теряя скорости, сместил их вправо, поворачиваясь корпусом и хватаясь за рукоять гладиуса. Стражник с пустыми ножнами гулко опрокинулся на каменный пол. Я же, с пол-оборота, резко выровнял корпус, добавляя инерции непослушным рукам. Моя хватка слабела с каждым мгновением. Я отправил меч стражника в смертельный полет в тот момент, когда пальцы начали неметь...

Короткий свист, рассекаемого лезвием воздуха, прерванный глухим «чмоком»... Зверюга коротко булькнул, будто воздух вырвался из проколотого бурдюка.

Он смотрел на меня непонимающим и слегка обиженным взглядом, словно ребёнок, у которого отобрали любимую игрушку.

Из рта багровым каскадом стекала кровь, падая на плоское лезвие гладиуса, наполовину торчащее из шеи ублюдка.

Я с удовлетворением наблюдал, как мутнеет взгляд в поросячьих глазах царя пыток и допросов. Его бархатный трон, к которому он был намертво прибит мечом, впитывал кровь, словно жаждущая губка, наливаясь цветом перезрелого яблока.

«Завораживающее зрелище!» — подумал я, когда боевая горячка начала понемногу стихать, но вместе с тем нарастала острая боль в плечевых суставах и пульсирующая мысль о скоротечности времени...

Я повернулся к лежащему на полу стражнику. Из его зияющей глотки торчали перекошенные кости нижней челюсти. Мерзавец был мёртв. Подавился собственными зубами.

Я наклонился, ощупывая немеющими руками его пояс. Пальцы окончательно перестали слушаться, коченея, словно искорёженные ветки засохшего дерева.

«Ну же! Чёрт тебя дери!» — торопил я сам себя, отчаянно теребя стражника за пояс. Под моим натиском его тело безвольно ёрзало, растирая по полу смрадную жижу, вытекающую из кишечника.

Есть! Мне удалось подцепить закоченелым пальцем кольцо, на котором сверкнул заветный ключ.

Последним усилием воли я провернул через голову руки, возвращая плечевые суставы на место, и тут же почувствовал, как по жилам начал циркулировать живительный поток, постепенно наполняя руки прежней силой. Я выждал долгую паузу, пока кровь не добралась до пальцев... Они оживали волнами, постепенно. Сначала мизинцы, словно ледяные ручейки, потом остальные. А я терпеливо ждал, успокаивая ритм сердца, выравнивая дыхание, вспоминая практики по стабилизации физического состояния, которым обучали в разведотряде Легиона...

Наконец, я вдохнул полной грудью и задержал дыхание, словно перед метким выстрелом из арбалета. Аккуратным и точным движением вскрыл замок и высвободил руки из оков. Немного размяв кисти, я наклонился к стражнику и выудил из его голенища нож. Затем, снял у входа горящий факел и швырнул его за спину Зеверюге - прямиком в камин.

Пламя в камине всколыхнулось, выплевывая искры на пропитанный кровью бархат кресла и его хозяина. Огонь чуть затих. В допросной воцарился полумрак. Казалось Зеверюга просто задремал во время допроса.

Я услышал скрип петель и бесшумно скользнул в тень. Дверь распахнулась, в комнату вошли двое.

— Фу! Чем это так воняет? — брезгливо осведомился первый. Судя по голосу и худощавому телосложению — юнец лет пятнадцати.

Второй — стражник, с тычками которого я был уже знаком — промолчал. Они оба стояли и, щурясь, вглядывались в полумрак комнаты. После яркого света энергетических ламп их глаза ещё не привыкли к темноте.

— Префектус? — осторожно позвал юнец, сделав неловкий шаг в направлении тёмной и массивной фигуры у камина.

Стражник остался на месте, начиная что-то подозревать.

— Префектус? — позвал мальчишка уже с ноткой беспокойства в голосе. — Папа?!

Стражник попытался выбросить вперёд руку, чтобы оста-

новить юношу прежде, чем тот бросится к телу отца, но не успел, смерть была у него за спиной... Движения чёткие и плавные, словно в танце...

Я перерезал стражнику горло, зажав его рот ладонью...

— Папа, что такое?! — голос юноши сорвался, увязая в жадных до крика стенах допросной. Он стоял у стола Зверюги и ещё не совсем понимал, что видит перед собой...

Тело стражника обмякло. Я позволил ему сползти на пол, предварительно высвободив из его ножен гладиус. Правой ногой подтолкнул дверь, та со скрипом захлопнулась. Я задвинул засов, запирая мышку с кошкой в ловушку.

Мальчик даже не обернулся на звуки скрипа дверных петель и скрежета засова. Его плечи сотрясались в беззвучном рыдании...

Я перешагнул через тело стражника, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от мальчишки. Тот, что-то почувствовав, резко обернулся...

Неожиданно красивое лицо, совершенно не похожее на Зверюгино. Черты утончённые, словно вырезаны рукой мастера, но сейчас перед лицом опасности, искажённые парализующим страхом. В широких миндалевидных глазах застыла обнаженная паника. Слезы повисли на ресницах, превратив их в хрупкие сосульки. Совсем ещё ребёнок... Его губы дрожали, пытаясь вымолвить хоть слово, но из горла вырывалось лишь прерывистое дыхание.

— Я замер на мгновение, чувствуя, как внутри что-то над-

ломилось. Пальцы сжались, готовые к удару, но вместо этого я лишь хрипло произнёс:

— Буду ждать, если захочешь отомстить.

Затем коротким, точным движением оглушил юношу эфесом гладиуса. Его тело обмякло в моих руках. Я аккуратно уложил его на пол, стараясь не запачкать кровью отца. На мгновение задержал взгляд на его лице, невинность и красота которого поражала своей неестественностью и чуждостью среди этого ада пыток и смерти...

Не теряя времени, я стянул амуницию с последнего убитого мной ублюдка, оставив его труп лишь в одном сублигари. Облачаясь в стражника, подметил, как мои руки ловко орудовали застёжками и ремнями, идеально подгоняя экипировку под нужный размер. И это после стольких лет рабства...

В амуниции я почувствовал себя гораздо увереннее и защищённее. Сапоги, правда, были чуть тесноваты, но и в этом были свои плюсы: улучшенное сцепление с поверхностью, повышенная стабильность при резкой смене направления — всё это могло дать преимущество перед противниками.

Я обогнул массивный стол, за которым сидел мёртвец, и стал рыться в его ящиках в надежде найти что-нибудь полезное.

Зверюга был подготовлен к допросу...

В руках оказались три кожаные папки с имперскими цифрами: XI, XII, XIII.

Своё личное дело пролистал вскользь. Оно было самым объёмным, но ничего интересного для меня не содержало. Единственное, что подметил — отсутствие в нём моих званий и имперских регалий. Это объясняло их недооценку моих способностей. На одном из пергаментов взгляд зацепился за сведения о моей связи с Легатом Публием Сципионом, датированную более чем пятью годами назад. Если бы папаша узнал об этой записи, Зверюгу давно сожрали бы львы на арене. Помнится, отец — Легат Публий Сципион — тоже меня недооценивал...

Оконная решётка разрежала луч палящего солнца, образуя на полу светящуюся клетку — напоминание о том, что я всё ещё в заключении, хотя стройный топот калиг, доносившийся снаружи, успокаивал, будто и не было этого ложного обвинения, и я вот-вот выйду на площадь претории, чтобы задать кому-нибудь взбучку на построении: «Почему шлем не застёгнут?! Ты с какой стороны ножны подвесил, салага?! Хочешь яйца потерять в бою?!»

Но моих легионеров не было среди марширующих. Сразу после ареста мою центурию выдворили в Луминор ещё до рассвета, словно боялись бунта. Это настораживало...

В коридоре слышались шаги и бреление ключей — тюремные звуки, к которым я никак не мог привыкнуть., как и к запаху нужника в углу, металлическому привкусу ржавчины...

— Центурион Титус Сципион... — начал было карауль-

ный. Я взмахом руки оборвал его, вставая со шконки.

«Так и до пролежней долежаться можно», — подумал я, потягиваясь и расправляя затёкшие позвонки.

Караульный ждал знака, чтобы продолжить, но я нарочито медлил: разминал суставы, делал круговые вращения руками, головой, наклоны корпусом, бег на месте...

«Пусть подождёт, тюремщик недоделанный!» — думал я и с удовлетворением наблюдал, как его лицо становится пунцовым, будто голова вот-вот взорвётся. Наконец я закончил зарядку и произнёс:

— Послушай, Луций! — мой тон был вкрадчивым и опасным, словно я резал шёлк, острым лезвием. — Пошли третьи сутки, как нас разделяют эти треклятые прутья.

Я ударил по одному из них ладонью. Прут загудел. Луций отшатнулся, его лысина покрылась испариной, словно устрица на рынке.

— Фактически ты мой надзиратель. Верно, *custos carceris*?

Бедняга кивнул, потом спохватился и замотал головой, отнекиваясь от столь опасной формулировки.

— Верно! — продолжал я издеваться. — Так чего же ты мне тут центурионькаешь?!

— Титус! — голос, жёсткий, как сталь, и до боли знакомый...

К камере приближался отец. Его походка, надменное лицо, одеяния — всё кричало о статусе. Мускульный панцирь, начищенный до блеска, слегка покачивался на плечах —

словно доспех был велик, как и его амбиции стать претором. На белоснежной тунике, похожей на погребальные пелены, золотые нити вышивали льва, терзающего волка — наш герб. Ирония: лев давно ослеп, а волк всё ещё жив... На груди — ордена за «заслуги», в которых я, мягко говоря, сомневался. На позолоченном поясе слева — меч в инкрустированных ножнах, который вынимался только лишь для чистки и полировки. Справа — пугио с турмалином — дорогим камнем, который обычно не использовали для украшений парадных орудий. Кинжал был взяткой, не иначе. Интересно, сколько ещё таких благодарностей отец припрятал под этим парадным тряпьем?

Левой рукой он прижимал к себе шлем с павлиньим плюмажем, постукивая по нему безымянным пальцем с золотым кольцом — символом дипломатического статуса, полученным благодаря интригам, а не заслугам.

— Отец, — сдержанно кивнул я.

— Открой камеру и оставь нас! — приказал Легат Публий Сципион.

— Ле... Легат... — проямлил Луций, повинувшись.

Отец вошёл в камеру.

— Хочешь услышать признание? — спросил я сходу, глядя на него с вызовом. — Или просто решил проведать горячо любимого сына? Помнится, в лазарет ты так не спешил...

— Не ёрничай! — с раздражением в голосе ответил отец.

Его взгляд цвета потускневшей бронзы скользил по мне,

словно искал трещину в броне насмешливости. На мгновение задержался на фибуле — бронзовой застёжке в виде переплетённых венка и меча. Этот знак особой воинской заслуги, на который сквозь тюремную решетку падал яркий свет, окрашивая бронзу в золото. Чистый блеск драгоценного металла очень символично передавал мое истинное отношение к награде. Фибула впивалась в плечо, напоминая о том, как я держал рухнувший свод туннеля при осаде Амар-Зула. Чтобы остановить наше продвижение, гномы загнали в шахты женщин и детей из числа рабов. Если бы не рана, скольких можно было бы ещё спасти... Она гноилась ещё два месяца, но отец так и не приехал в лазарет. Возможно, боялся увидеть, что его сын не герой, а палач, засыпанный трупами легионеров под обломками.

«Ты получил фибулу за спасение легиона, а не за спасение тех, кого даже людьми не считают» — писал позже отец в коротком письме.

Мою веру в ценность каждой человеческой жизни он всегда принимал за слабость...

— Подлог документов — серьёзное обвинение, отбрасывающее тень на дом Сципиона! — вырывая меня из воспоминаний, произнес отец. В его тоне слышалась усмешка и пренебрежение к фибуле.

Я саркастично хмыкнул и демонстративно отвернулся от легата, вглядываясь в окно сквозь решётку. Над площадью Претории, вымощенной камнем, поднималось марево, иска-

жая далёкие фигуры легионеров, занятых физической подготовкой.

«Словно призраки, — думал я, глядя на них. — И я — призрак своих воинских заслуг».

— Что это значит?! Для тебя имя Сципион — пустой звук?! — возмутился отец. — Повернись, когда я с тобой разговариваю!

— Только если ты будешь смотреть мне в глаза, — сказал я, поворачиваясь.

Он смотрел. Ровно столько, сколько требовалось, чтобы я успел заметить, как его зрачки сузились — глаза хитреца всегда фокусируются на переносице собеседника. Он отвёл взгляд. Я догадывался почему... Мои карие глаза напоминали ему о его первой жене Ливии — моей матери. Шесть лет назад она скончалась в тяжёлых мужах. Истекла кровью после выкидыша.

«При поздней беременности такое случается», — объяснили тогда лекари.

Думаю, отец чувствовал себя виноватым перед ней, ведь всего спустя полгода после её смерти он удачно женился на дочери консуляра — Марции Клавдии Пулхре, моей дражайшей мачехе, из-за которой мне пришлось со скандалом покинуть отчий дом и пойти добровольцем на войну с гномами.

— И кто мой обвинитель? — спросил я, вглядываясь в профиль отца, подмечая новые морщины на бледном лице и седину, которая нещадно окрашивала виски стареющего

легата.

— Отец помолчал какое-то время, переминаясь с пятки на носок. Он всегда так делал, когда требовался взвешенный ответ. Наконец произнес:

— Квестор легиона.

— Неужели сам Гай Клавдий Пулхр? — я еле сдержался, чтобы не ударить ладонью о ладонь. — Так вот откуда ноги растут! И как там поживает твой новоиспечённый шурин? Туника квестора не великовата для сопляка, который стали даже не нюхал!

— Не забывайся, центурион! — рывкнул отец, теряя самообладание.

Я с удовлетворением наблюдал, как легат, чьё спокойствие было крепче городских стен, а интриги — тоньше паутины, сплетённой в лунном свете, терял самообладание. Его голос, обычно холодный, как звон стали, дрожал, словно лист на ветру, а пальцы, привыкшие сжимать рукоять меча, нервно перебирали складки тоги.

— Прошу прощения, легат! — я притворно вытянулся по стойке смирно и коротко кивнул. — В каком именно подлоге меня обвиняет квестор?

— Твоё кривляние неуместно в сложившейся ситуации. Тит. — Отец намеренно сократил моё имя, как бы подчёркивая высоту уступа — положения, с которого он смотрел на меня сверху вниз. Его голос звучал так же вкрадчиво и опасно, как мой при разговоре с Луцием.

— В документах твоей центурии нашли несколько имён из числа дезертиров, которые всё ещё находятся на довольствии Империи. — Каждое слово вгрызалось в сознание, углубляя пропасть, над которой я висел.

Обвинение действительно было серьёзнее, чем я предполагал.

— Имена? — не глядя на отца спросил я, начиная мерить шагами камеру.

— Руф, Басс, Назон... — начал перечислять отец.

— Катул и Приск, — закончил я за него, судорожно размышляя. — Что за бред! Я собственноручно казнил их на пути к гномьим приискам, согласно военному постулату о дезертирстве. Их тела до сих пор болтаются в петлях у переправы Грангорн-Азгал. При мне же Литарий составил отчёт за моей подписью и отправил его в преторий.

— По сведению квестора, никаких отчётов о дезертирах центурии Титуса Сципиона в преторий не поступало, а тессарий Секст Литарий, насколько мне известно, мёртв.

Каждое слово отца словно удар калигой по пальцам рук, которыми я хватался за край уступа над пропастью.

Литарий действительно был мёртв. Погиб во время набегов гномьих недобитков, когда мы возвращались с победой из Амар-Зула.

— Мой опцион — Тулий! Отзовите его из Луминора! Он присутствовал при составлении отчёта...

— Убит за дезертирство! — не щадил меня легат, вырезая

голосом-сталью на сердце имена моих верных собратьев. — Он и ещё несколько твоих легионеров ослушались приказа отправиться в Луминор, затем оказали сопротивление при попытке взять их под стражу.

Я висел на волоске, когда отец решил протянуть мне свою колючую, словно ветвь гледичии, руку:

— В моих силах помочь тебе, сын.

«Сын... Сын... Сын...» — звучало в голове как издёвка.

Я глубоко задышал, пытаюсь унять рвущееся из груди сердце, которое барабанило тимпанами по перепонкам. С силой сжал руки за спиной, чтобы унять в них дрожь.

Легат коршуном наблюдал за мной, а я боялся встретиться с ним взглядом. Не хотел показывать ему своих истинные чувства.

В звенящую тишину камеры медленно пробирались звуки когорты, доносившиеся с полигона. Я немного успокоился и направил свой гнев в наступление...

— Мой новый тессерий! — Объявив это, я посмотрел на отца. Он не отвёл взгляда, но в глазах я уловил проблеск страха. — Он не из моей центурии, но, как я понимаю, сейчас её возглавляет?

В подтверждение моих слов глаза легата становились всё шире, но гадкая ухмылка упрямо не хотела сползать с его губ. Его удивление граничило с извращённым восторгом. Так восхищается лев очерившимся волком, шея которого находится у него в пасти.

— Твой протеже, верно? И за какие такие заслуги его воздвигли до центуриона? — продолжал я напирать. — Вопрос риторический. Ты отец — паук! Мастер плести сети. Но я — твой сын, который с лёгкостью эту паутину расплету... Насколько мне известно, Марция не далее как три месяца назад родила тебе сына. Меня, конечно, на смотрины младшего брата не пригласили — побоялись семейного переворота. Более того — упредили всякую попытку на переворот, подставив меня с этим подлогом документов, в котором не обошлось без участия... — я стал загибать пальцы на руке, — нового тессерария, подосланного тобой, братца Марции, квестора, и самой Марции. И что же тесть-консуляр посулил тебе взамен за предательство старшего сына?

При упоминании консуляра легат дёрнулся, будто в страхе. Рука сжалась на турмалиновом эфесе. Отец медленно наклонил голову, как бы принюхиваясь, словно по запаху определял источник моей осведомлённости. В его алчных глазах промелькнуло что-то похожее на уважение, смешанное с раздражением.

— Должность претора в сенате... — закончил я тихо, подводя итог разоблачения. — Из-за неё ты готов погубить кровь Ливии?

Лицо отца мучительно скривилось. Так было всегда, когда речь заходила о матери.

— Ты, как и твоя мать — всё слишком драматизируешь! — раздражённо бросил отец. Теперь настала его очередь ме-

ритель шагами мою тесную одиночную камеру.

— И в чём я не прав?! — вскипел я. — Марция, словно королевская змея, пожирающая чужое потомство! Она безумна, раз считает меня угрозой для своего новорождённого сына! А ты — паук, потворствуешь её безумию!

— Хватит! Ты зарываешься! — кричал отец. — Я пришёл, чтобы протянуть тебе руку помощи, а ты кусаешь её, словно уличный пёс!

— И в чём же, чёрт тебя дери, заключается твоя помощь?! — выпалил я, хватая легата за плечо, чтобы тот наконец прекратил своё метане по камере.

Мы стояли, глядя друг на друга с нескрываемой ненавистью, и тяжело дышали, впитывая влажный и горячий воздух тесной камеры.

Отец дёрнул рукой, высвобождаясь из моей хватки. Его шлем выскользнул из потных рук и со звоном упал на пол, перекатываясь и собирая павлиньими перьями тюремную пыль.

На низвергнутом символе легатства просматривалась надпись на латыни: «Hostium cruor est leoni vinum Scipionum» — Кровь врагов — вино льва Сципиона.

— Выйдя из оцепенения, отец вздохнул и ледяным тоном произнёс:

— Ты должен отказаться от притязаний на наследование всего, что касается дома Сципиона. Тебя объявят ветераном без права занимать командные должности и оставят боевые

награды с соответствующим жалованием.

— Ты пускаешь меня по миру и оставляешь ни с чем, ещё и со сломанными зубами, — сквозь ком в горле произнёс я.

— Я отошлю тебя в Аурельвию. Будешь жить там.

— В загородную виллу? Отошлёшь?! — моему возмущению не было конца. — Эта вилла никогда тебе не принадлежала! То, что ты заменил золотой венок на золотого льва на гербе, не даёт тебе права распоряжаться имением Авреллиана. Во мне течёт его кровь, не в тебе!

— Род Авреллиона угас, когда твой дед произвёл на свет лишь девку, которая родила мне неблагодарного щенка!

— Выбирай выражения, легат! Ты говоришь о моей покойной матери, благодаря которой у тебя, сына нищего ланисты, появились гектары виноградников, криптопортики с таким количеством вина, что можно было утопить в нём целый легион! А ты никогда не ценил этого. И ни во что не ставил мать! А она любила тебя и готова была ценой собственной жизни родить тебе ещё одного, как ты выразился, щенка!

— И родила бы, если бы не отравилась! — слова вырвались из него, словно яд из паучьего жала.

— Что?! — непонимающе смотрел я на отца, который вдруг взялся рукой за голову, рваным движением провёл по ней, взъерошивая волосы, затем опустил руку вниз, словно безвольную плеть. Посмотрел на меня. Вновь отвёл взгляд.

— Что значит — «отравилась»? — сжав до ломоты зубы, прошипел я, чувствуя привкус крови на губах.

— Я не хотел, чтобы это всплыло наружу... — начал сбивчиво оправдываться отец, поправляя тунику, словно это могло помочь стереть брошенные сгоряча слова. — Но она где-то раздобыла корень мандрагоры... Наверное, у этих поганых колдунов!

— Последнюю фразу отец вытолкнул из себя с гневом, который был насквозь пропитан фальшью, но он, видимо, этого не заметил и продолжил врать:

— Она выпила яд, чтобы вывести нежеланный плод, и заплатилась за это жизнью! — почти надменно сказал отец, делая шаг назад по направлению к выходу. Его подрагивающая рука с силой сжимала турмалин, по которому стекала капелька крови.

Вдалеке прозвучал рокот грома, словно рычание неведомого зверя, предвещающего смену удушливой и знойной жары на влажную прохладу.

— Ты её совсем не знал, — сказал я, вторя небесному рычанию. — Она ждала этого ребёнка и молилась, чтобы плод был благословлён.

— Молилась? — отец сделал ещё шаг. — Это ты её не знал! Она не чтит богов! В нашем доме не было ни одной статуэтки Цереры, Люцины, Юноны... Она постоянно забывала про праздник Матроналии. В нашем домашнем алтаре Весты ни разу не загорался священный огонь, что недостойно для люксовианки!

Легат сделал шаг к выходу, но оступился, увидев в углу

камеры шлем с запылённым плюмажем.

Вновь громыхающие раскаты... Уже ближе, громче...

— Если бы ты не был вечно занят карьерой... — произнёс я, прекрасно понимая, что без шлема отец не уйдёт. — Если бы ты был внимательнее, то знал бы, что Ливия Аврелиана не поклонялась богам империи, потому что считала это грехом. Ещё она считала грехом угнетение и издевательство над рабами, принуждение их к плотским утехам, чем ты занимался неоднократно...

— Рабы?! Ха! — отец жестоко и презрительно рассмеялся. — Она заставляла меня дарить этим нелюдям свободу в ущерб нашему положению! Она, словно плебейка, сама копалась в саду и подметала полы в доме, в то время как весь Люксо был у её ног!

— Она любила труд, считая праздность грехом... — начал было я, но отец перекричал меня:

— Грехом! Грехом! — за окном небо стремительно темнело под натиском сгущающихся туч. — Да что могла знать про грех безбожница, которая не терпела крови на арене, пролитой в честь Юпитера, Нептуна и Марса! Светские празднества с танцами и вином, угодные Бахусу, на которых можно было налаживать связи... Вместо этого она ходила на Агорскую площадь, где среди плебеев слушала проповеди этого Айеста-Павла! Будь твоя мать приличной люксовианкой, как Марц...

Отец осёкся на полуслове, тяжело дыша. Он полностью

потерял над собой контроль. Багровое лицо и сжатые кулаки с побелевшими костяшками пальцев как у трупа.

Меня тоже захлестнуло холодной яростью. Ничего не было вокруг, только я, отец и моя ненависть к нему.

— Марция, — прошептал я, нарушая давящую тишину камеры, в которой, как и за её стенами зарождалась разрушительная сила.

Глаза отца и сына схлестнулись в молчаливом поединке, готовые испепелить друг друга взглядом, как вдруг ветер — надежный и верный буревестник, услужливо ворвался в окно. По металлической решётке с глухим звоном застучал дождь. Внезапная вспышка молнии размазала наши тени по стенам каземата. Гром раздался над зданием Претории, грозя расколоть небо надвое. Пазл сложился...

До меня наконец начало доходить, что за человек стоял передо мной.

— Марция была твоей любовницей задолго до смерти матери, в которой ты видел лишь обузу! — говорил я отцу, добавляя силы голосу, чтобы быть громче проливного дождя, который ручейком стекал сквозь оконную решетку.

Отец вновь попытаться, забыв про свой шлем, под которым собиралась дождевая вода, а я продолжал, шаг за шагом приближаясь к легату:

— Ещё бы! Дочь самого консуляра! Отличная партия... Оставалось только убрать одну фигуру с доски...

— Стража... — просипел отец, затем громче, срываю-

щимся голосом:

— Стража!!!

Он схватился за кинжал, но я был быстрее...я повалил его на пол, сомкнул пальцы на его горле и натужно, словно дикий зверь прорычал ему в лицо:

— Знаешь, какой грех самый тяжкий?! Убийство безгрешного дитя в утробе матери!

В выпучинных глазах отца отражался мерцающий огонь, исходящий от лампад тюремного коридора. Публий хрипел, стуча каблуками калиг о бетонный пол, его руки судорожно скользили по моему телу, раздирая тунику, а я всё давил и давил мерзавца, и в унисон разбушевавшейся стихии рычал ему в лицо:

— Убийца... Убийца!

Топот калиг по коридору... Шелест мечей, вынимаемых из ножен... Чьи-то крики - всё слилось в безумную какофонию. Удар по спине... Ещё один...

«Почему же эти глаза ещё живы?» — промелькнула запоздалая мысль.

Пальцы со всех сторон впились в одежду, кожу и волосы, оттаскивая меня от легата, который всё ещё был жив...

Скрюченный и скованный под натиском доблестной стражи Люксовианской Империи, я стоял на коленях в затопленной дождём камере и рычал, словно раненый зверь, наблюдая, как тонет шлем Легата с девизом дома Сципиона на латыни.

Суд состоялся на следующий день. Мне вынесли приговор к пожизненному заключению в копиях империи, которые я героически освобождал в прошлом. Меня признали виновным в покушении на убийство легата, а также в подлоге финансовых документов на пять мёртвых душ, которые в смертельном окале смеялись надо мной, болтаясь в петлях у переправы Грангорн-Азгал...

Пять мёртвых душ... Пять долгих лет после первой попытки побега... Пять рабов, что хотели со мной бежать... Пятый — так звали первого убитого мной раба, когда из меня делали сломку.

Моя мать Ливия учила меня обращать внимание на знаки, через которые с нами разговаривал Единый Бог — «Unum Deum». Так она его называла.

Помню, как спорил с ней насчёт мужского, а не среднего рода её Божества...

— Может, всё-таки «Unus Deus»? Ведь Бог — это «Он», — упрямо твердил я.

Она лишь пожимала плечами и ласково улыбалась мне, приговаривая:

— «Omnia sunt Unum Deum» — Всё есть Единый Бог...

Я видел знаки, хоть и не знаю, кто мне их посылал — Юпитер или Единый Бог, — но я так и не научился распознавать их значение.

Пять мёртвых душ... Пять долгих лет... Пять рабов... Пятый... Я закрыл папку с именем XII и швырнул её в камин.

Глядя на огонь, пожирающий листы пергамента моей неволи, я увидел, как цифра двенадцать на кожаном переплёте плавится, преобразуя чёрный дым в знак свыше — символ «V». Я, словно в трансе, потянулся к нему рукой, преодолевая резь в глазах от едкого дыма... Пламя взвилось снопом искр, вырываясь мне навстречу, словно для рукопожатия. Ладонь хлестнуло обжигающей болью...

«Ты не Двенадцатый... — шелестел голос Ливии опалённым пергаментом в огне камина. — Ты — Пятый...».

— Титус Квинтиус, — вторил я шёпотом, заворожённо глядя на символ, выжженный стигматом на ладони.

Тело вдруг пробрал озноб, покрывая кожу мелкой дрожью. В груди что-то затрепетало, разрастаясь и грозя вырваться наружу, словно этому «чему-то» было тесно в моём брэнном вместилище. Я сжал ладонь с выжженной стигматой «V» в кулак, наслаждаясь моментом боли и трепета.

— Я выберусь из шахты! — провозгласил я, жадным до крика, стенам комнаты допроса. — И пусть Единый Бог станет мне свидетелем! Я отомщу за смерть Ливии Авреллианы!

Гладиус в ножнах — верный спутник. Кинжал за голенищем — предатель, ждущий своего часа. В руках — два свитка судеб: XI и XIII.

Затолкал папки в подсумок панциря, ощутив под пальцами шершавую кожу, что пахла потом и страхом. Прове-

рил крепление. Застёжка внутреннего кармана — бронзовая змейка смотрела пустыми глазницами, словно напоминая: «Смерть любит опрятность». Оглядел дело рук своих, словно картину, что помогал писать Плутон...

В допросной было три трупа: главный надзиратель, прибитый к бархатному креслу мечом, словно кистью, окрашенной красной акварелью; два стражника на полу. Один был наг — его бледность резала глаза, будто мраморная статуя среди грязи. Второй — тонул в экскрементах, словно барельеф на стене склепа. И ещё мальчишка — незаконченный эскиз, чьи ресницы дрожали, как крылья пойманной цикады.

«Пятая дверь слева от пыток» — фраза Шестнадцатого висела в воздухе, как незавершённая рифма. Прорываться с боем? Глупо. Силы надо беречь. К тому же в голове уже созрел план...

Я наклонился к полу у подножия камина и подобрал с него горсть пепла, которым тут же измазал открытые участки тела, уделив особое внимание лицу — словно готовился к маскараду в праздник Сатурналии. Затем дошёл до второго факела и выдернул его с держателя. Вернувшись обратно к столу, я взял изящный глиняный сосуд, чувствуя под пальцами рельеф виноградной грозди. Зубами выдернул затычку. В носу защипало от едкого запаха, а в горле встал ком. Аромат аурельвианского, такой чистый и благородный, был загублен грубой смесью, превратившись в нечто неприятное и отталкивающее.

«Проклятый ублюдок, — подумал я, с ненавистью глядя на сосуд. — Испортил божественный нектар этой бурдой».

— Я выдохнул и приложился к сосуду, наполняя рот пойлом, от которого тут же выступили слёзы на глазах. Швырнул на стол горящий факел и впрыснул пойло на огонь, словно жрец, совершающий возлияние Аиду. Пламя вздыбилось, как конь, сорвавшийся с привязи, расплёскиваясь волнами огня, который пожирал и стол, и кресло, и Зверюгу, соединяясь с пламенем камина. Я оттащил юнца к двери, дождался, когда дым от огня закроет нас своей едкой пеленой...

Отодвинул засов, распахнул дверь и, подхватив парнишку, вырвался в коридор вместе с густыми клубами дыма.

— Пожар! — начал я орать во всю глотку. — Диверсия! Спасайте префекта, черти вас дери!

В коридоре образовалась сумятица. Легионеры натыкались друг на друга в дыму; их шлемы бликовали, как потускневшие денарии. Я рванул налево; сажа на коже смешивалась с потом в грязную охру, словно глина. Я расталкивал застигнутых врасплох легионеров, попутно раздавая пинки и тычки локтями, и рычал на них, будто был их командиром.

«Раз... Два... Три», — считал я двери, заворачивая за очередной угол извилистого коридора, пока не наткнулся на караульного, которому, видимо, было приказано во что бы то ни стало не покидать пост.

— Стоять! — ошетинился он, наставив на меня копьё.

Я отметил его острый и оценивающий взгляд, которым он

скользил по мне. Видно было, что ублюдка не провести мас-карадом.

— Кто такой?! — не опуская копыя, выпалил стражник.

— Сын префекта, — сказал я, кивая в сторону паренька на моих руках. Караульный тоже на мгновение посмотрел на него, ослабляя хватку на копые.

Время замедлилось. Я с силой подбросил мальчишку в воздух. Его конечности дёрнулись, словно крылья у крачки. Руки освободились, и я тут же выхватил гладиус из ножен. Стражник, выпустив копыё, поймал юнца. А я, с размаха, во-гнал гладиус в разинутый рот, снося полчерепа незадачли-вому спасателю.

Оба рухнули на пол. Парень застонал под тяжестью зава-лившегося на него трупа, его пальцы судорожно вцепились в кольчугу мертвеца.

«Жить будет! — с иронией подумал я, ловя ритм соб-ственного дыхания. — Тем более, роль в моём побеге юнец сыграл блестяще!»

Из очередного поворота на меня выбежали двое. Та же экипировка, мечи наголо. Они остановились как вкопанные. На их лица напознала гримаса растерянности, ужаса и отвра-щения, когда они встретились взглядом с мутными глазами отрубленной головы караульного.

Я рванул с места, смещаясь к стене коридора. Оттолкнул-ся от неё, и в прыжке резанул первого по горлу. Гладиус загу-дел в руке, насыщаясь кровью, словно волк, воющий на луну

во время пиршества. Лезвие дрогнуло, встретив сопротивление хрящей — знакомый толчок, от которого дрожь пробежала по запястью.

Приземлившись на пол, я тут же сделал перекат. Меч второго легионера свистнул, рассекая воздух в сантиметре от моего плеча. Оказавшись за его спиной, развернулся и всадил гладиус промеж рёбер по самую рукоять. Он хрипло застонал, а я, не выпуская оружия, с силой оттолкнул его ногой. Меч выскользнул из тела, орошая меня рубиновыми брызгами.

Резким взмахом клинка я сделал «восьмёрку», рассекая им воздух и смахивая остатки тягучей крови. Её запах дурманил сознание воспоминаниями о временах легионерства, когда мы пировали в честь Марса, обмазанные жертвенной сажей.

«Четвёртая...», — продолжал я счёт дверей, приближаясь к свободе. На стене мелькнула паутина — серебряная ловушка с мёртвыми мухами внутри. «Скоро и ты станешь таким же трофеем», — мысленно бросил я пауку.

Около нужной двери стоял ещё один караульный. Завидев меня, он напрягся, но не стал нападать, приняв за своего. Его доспех скрипел, вторя моим приближающимся шагам...

— Что происхо... — начал было он, но мой меч оборвал его слова вместе с жизнью, которая хлещущей струёй вырвалась из сонной артерии. Его глаза округлились, как серебряные денарии, сверкнув блеском отражающихся ламп кори-

дора.

Пятая дверь... Неприметная — грубые доски, стянутые железными обручами. На одном из них ржавыми буквами выведено: «Свобода — иллюзия глупцов». Надпись — насмешка для тех, кто ищет истинный путь. Простота двери и небрежность её исполнения говорили о том, что за ней скрывается нечто обыденное, лишённое той мистической силы, которую я искал.

Я потянул за ручку. Петли заскрипели натужно, будто смеялись над моей наивностью. За порогом — не солнечный свет свободы, а сумрак низкого зала, где в клубах дурманящего дыма замерли три фигуры в чешуйчатых панцирях, словно железные скорпионы. Их глаза блеснули, будто жала, направленные в мою сторону.

Я замер на пороге, втягивая в лёгкие дурман, который тлел в бронзовой чаше, что держала статуя Венхары — древнего божества гномов. Её силуэт, стоящий справа в полумраке, проступал сквозь сизое марево. Это была женщина с четырьмя руками, высеченная из чёрного мрамора с прожилками серебра. Там, где должно быть лицо, висела вуаль из сплетённых бронзовых звеньев. Цепи тихо позвякивали под натиском струящегося дыма, повторяющего контуры то ли улыбки, то ли оскала.

Посередине зала — массивный каменный стол, покрытый трещинами, словно старческими морщинами. На ножке стола виднелась выбоина от удара киркой — кто-то явно пытал-

ся «убедить» оппонентов аргументом потяжелее.

Над столом висела единственная лампа: стеклянный шар с мерцающим внутри фиолетовым пламенем. Её называли «душа шахты» — вечный огонь на мифриловой пыли, от которого исходили разряды энергии и гипнотический гул. Свет лампы выхватывал из полумрака пергаменты с чертежами штолен на столе, в которых угадывались кроваво-красные пометки, а также обширную карту с замысловатыми лабиринтами копей.

Трое встали из-за стола синхронно, словно марионетки, управляемые невидимым кукловодом. Их чешуйчатые панцири блестели, как мокрая галька. Я сразу отметил знакомые знаки и символы на их экипировке...

Первый (справа): На наплечниках — скарабей, катящий шар руды. На лице — костяная маска.

Его звали Дециматор — тот, кто решает, кого из рабов «децимировать» — казнить для ритуала жертвоприношения Венхаре. Его булава с обсидиановыми шипами висела на поясе. Пальцы сжимали рукоять из цельной кости с выбитой на ней десяткой.

Второй (у дальней стены): В руках кирка с чёрным алмазом, соединяющим два наконечника: острый обсидиан и зубренную сталь. Это был Проходчик — бывший раб, который прошёл через все стадии расчеловечения ещё при гномах. Его могучее тело было испещрено шрамами, которые светились, переливаясь белесой краснотой в свете мифрило-

вой лампы, как прожилки меди в породе.

Третий (ближе ко мне): Панцирь со скорпионом, чьё жало обвивало горло. Ликтор - надзиратель — властелин пятого уровня.

«Совет Четырёх... — пронеслось в голове. — Только без четвёртого, хотя вокруг стола пять вековых каменных тронов. Они стояли как клыки, выросшие из недр скалы. Значит, легенды шахт не врут».

Это были фанатики из культа, что хранят традиции жестоких гномов и поклоняются их кровожадным божествам. Видимо, имперцы решили не «сокращать» штат оккультистов. Суеверные глупцы побоялись обрушить на себя гнев Венхары, вместе с толщей мифриловой горы?

«Не жди пощады, Титус! — сказал я себе. — Эти твари даже дышат иначе: вдох — запах руды, выдох — смерть».

Оккультисты синхронно шагнули вперёд, и лампа дрогнула, бросив блики на двуручный гномий палаш, на который опирался Ликтор. Его голос, скрипучий, как несмазанные вагонетки, зазвучал, отражаясь от каменных стен:

— А-а-а, Пятый! — Ликтор с чудовищным шумом вдохнул запах крови, пота и сажки, овивавший меня незримым ореолом. — Твой приход был предсказан пророчеством на костях Венхары!

Я почувствовал прикосновение металла на щеке и звон цепей над ухом... «Пятый... Я ждала...» — будто сама Венхара сквозь вуаль нащёптывала мне.

Я повернулся к ней, но дурман заставил глаза слезиться — статуя вдалеке дрожала в дымке, будто за зеркалом.

Вновь прикосновение вуали, только к другой щеке. И тот же шёпот: «Займи пятый трон... Или умри...».

Я кинул взгляд в другую сторону... Мифриловая лампа вновь качнулась, отбрасывая тень троих, что слила их в одно.

Я сжал гладиус, чувствуя, как влажная от пота рукоять впивается в ладонь. Эти трое — не просто враги. Они — формула, расчётливый алгоритм боли. Чтобы победить, надо стать ошибкой в их уравнении.

— Значит — смерть! — провозгласил Ликтор.

Он стоял недвижим, но его тень на стене вдруг отделилась от двоих и размашисто рубанула мою тень.

Я невольно отпрянул в то время, как моя тень расщепилась надвое под ударом тени Ликтора, затем вновь соединилась, но стала чуть бледней.

— Двуручный меч ударил по камням в то место, где я стоял мгновение назад. Сноп искр. Тени задрожали. Ликтор готовился к следующему замаху. Я сместился вправо, занося гладиус над его головой, но там уже встречала булава Дециматора. Моя побледневшая тень беззвучно вскрикнула и отлетела от его удара. Я же упал навзничь, пропуская над собой смертельный полёт булавы. Оттолкнулся руками от пола и, вскочив на ноги, тут же повернулся словно волчок, целясь гладиусом в шею Дециматора. Звон стали о сталь. Мой меч, не дойдя до цели, встретился с киркой Проходчика. Стигма-

ту под рукоятью резануло болью. Рука занемела, но адреналин приказал — не обращать внимание, пульсируя в ушах. Я выбился из ритма, но всё же удержался на ногах, следя за тенями врагов, которые обрушились шквалом ударов. С каждым ударом контур моей тени расплывался, будто её рисовали водой на раскалённой меди. Я нырнул в широко расставленные ноги Проходчика, делая кувырок и уходя тому за спину. Не стал нападать сразу. Выхватил кинжал из голенища и обогнул стол, который сейчас отделял меня от врагов. Тем самым выиграл передышку в схватке.

Воздух в душной и дымной зале плотнел и сгущался вокруг меня, пытаясь замедлить мои движения. Гул лампы, качающейся над столом, точно под напором ветра, врезался в сознание, складываясь в слова: «Следи за тенью...»

И я следил, подмечая, что с самого начала боя тени Советников жили в ином временном потоке. Дар Венхары за кровавые жертвы? Но почему они не путают, а предвосхищают действия троих? И почему моя тень тускнеет, словно разрушенный мифрил?

Вот тени расступились в стороны, синхронно окружая стол, и тут же их владельцы сделали то же самое.

«Подсказка? Но от кого?» — подумал я, бросая взгляд на кровожадную Венхару. Та всё так же мерцала в сизом мареве. Из-под звеньев вуали уже вырвалось яростное пламя...

«Нет, не Венхара! — ясно пронеслось в голове, отдаваясь вибрацией в стигмате. — Берегись!»

Тени приблизились и синхронно атаковали, с каждым ударом высасывая жизнь из моей тени, как кровь из раны, и делая её всё более прозрачной. Я, предупреждённый, запрыгнул на стол. Под ногами зашуршал пергамент, скользя под моим весом. Кроваво-красные пометки на нём задвигались, складываясь в стрелку направления движения — будто подсказывая путь к победе. Я тут же оттолкнулся от стола, минув лезвие палаша, что рассекло воздух под моими ногами. Сделав вольт, я рубанул Ликтора выше плеча. Жало скорпиона взмыло в воздух, оставляя за собой кровавый след, как хвост летящей кометы. «Душа шахты» окрасилась красным, превращая тени на стенах в искажённые силуэты, которые замерли в ожидании нового витка битвы. Венхара душераздирающе взвыла от боли, звеня цепями.

Приземление. Перекат. Взгляд на Ликтора. Тот всё ещё был жив. Он держался одной рукой за шею. Сквозь пальцы сочился красный дым...

«Не человек», — подумал я.

Другой рукой Ликтор опирался на палаш и тяжело дышал... «Он смертен...», — вторила стигмата на руке.

Тени вновь стремительно задвигались.

Я наблюдал за ними, предугадывая синхронные удары булавы Дециматора и кирки Проходчика... Разбег. Прыжок от булавы. Одновременный блок меча от кирки. Замах предателя-кинжала...

Звон возвестил о жёстком столкновении орудий, гулко от-

ражаясь от стен зала. Сталь треснула о сталь, едва не зацепив меня обломком острия. Проходчик по инерции крутился вокруг своей оси. Меня отбросило его киркой на каменный стол. Я сгруппировался, скользя по нему. У края крутанулся и упёрся ногами в один из тронов. Тут же вскочил на него. Резко развернулся и осмотрелся...

В правой руке — обрубок гладиуса. Левая — пустая. В свете пульсирующей лампы блеснула рукоять кинжала, торчащая из ямы над ключицей Проходчика, что стоял у противоположного края стола. Он сделал шаг в мою сторону и тут же рухнул на колени под нестерпимый вопль четырёхрукой женщины-божества. Из его смертельной раны струился кровавый дым. Он вздымался кверху, ключьями прилепляясь к потолку и растекался по нему кроваво-красной пеленой.

«Словно туман над багровой рекой», — подумалось мне, когда я заворожённо смотрел на потолок.

Эфес сломанного гладиуса завибрировал под стигматой, вновь предупреждая об опасности — бой ещё не кончен!

Я кинул взгляд на собственную, уже еле различимую, тень. Её голова отделялась от туловища под рубящим ударом палаша...

Уворот от удара Ликтора. Вольт в прыжке. Обсидиановый шип булавы Дециматора вспорол кожу на плече, сбивая ритм вольта и оглашая зал торжествующим вскриком Венхары. Я рухнул на пол. Вслепую сделал несколько перекатов, ощущая каждой косточкой своего тела дрожь каменного по-

ла под ударами орудия Дециматора.

Раз — удар! Два! Три!

Я поднялся с пола и прислонился к стене, выравнивая дыхание. Отстранённо посмотрел на рану на плече. Из неё струилась перламутровая струйка пара — словно от мифриловой морошки. Она, в отличие от багровой пелены врагов, падала каскадом вниз и расстилалась по полу, образуя на нём причудливые узоры, которые складывались в знакомые лица...

Пятый... Седьмой... Девятый... Шестнадцатый...

Каждое лицо в перламутровом тумане было как обвинение, как напоминание о кровоточащих ранах прошлого.

— Лица убитых мной рабов корчали зловещие гримасы и вторили победоносному кличу Венхары: «Тебе не избежать возмездия! Ты останешься с нами, в стенах копей, навсегда...» Я с усилием оторвал взгляд от пола. С запозданием заметил, как моя тень под очередным ударом булавы Дециматора вздрогнула и окончательно угасла. Тени врагов торжествовали, наблюдая за её исчезновением.

Я заставил себя увернуться от последующего реального удара, чтобы не угаснуть вслед за собственной тенью, с которой, казалось, и уходили мои силы.

Булава сверкнула обсидианом, вонзаясь в стену справа от меня. Я сместился влево, хватаясь за цепь булавы свободной рукой и потянул её на себя. Стигмата жгла правую ладонь, словно ревнуя левую к магической булаве. Дециматор дёрнулся и уже занёс кулак свободной руки для удара... Я ныр-

нул под неё, вонзая снизу в толстый подбородок Дециматора обломанный клинок. Его маска треснула, обнажив пустые глазницы, полые как колодцы.

— Венхара вскрикнула и застонала, дребезжа цепями. Её протяжный стон звучал из каждого угла, сплетаясь в хор проклятий. Кроваво-красный дым хлынул из раны, расплавляя гладиус, словно кислота. Я отпустил рукоять, отпрянув. Сделал кувырок назад и устало повалился навзничь, наблюдая, как багровая твердь растёт и колыхается надо мной, грозя обрушиться и расплавить меня подобно обломанному клинку.

«Моя кровь-туман, — думал я, утопая в перламутре, из которого ко мне тянулись тени прошлого. — Против их багровой крови-лавы».

«Вставай... Вставай...» — пульсировала стигматa на руке, отчаянно разгоняя кровь в сосудах, словно работала на пару с сердцем.

Преодолеваю боль, усталость и перламутровый дурман, я, покачиваясь, встал.

Напротив — Ликтор — заносил меч над головой для последнего удара. Я отклонился назад, уворачиваясь и глядя по привычке на его огромную тень, которая ударила на мгновение быстрее её владельца...

Лицо обожгло, словно от удара хлыстом. На пол брызнуло перламутром. Раздался лязг металла о камень — свидетельство промаха Ликтора. Но откуда рана на моём лице?

Я сделал несколько шагов вглубь зала, удлиняя расстоя-

ние между мной и Ликтором, и с тревогой размышлял: «Теперь, когда моя тень исчезла, тень Ликтора стала ещё одной угрозой для меня».

Ликтор только встал, перехватив тяжёлый меч, но его тень уже была готова к удару. И в этот миг лампа завертелась волчком и загудела пуще прежнего.

Венхара взревела из всех углов: «Ты — мой! Мой!»

Тень Ликтора расщепилась вчетверо. Свет лампы отбросил её на всё стены под багровым потолком зала... Четыре тени на четырёх стенах — словно зал стал клеткой для пойманного зверя.

Я резко сорвался с места, делая зигзаги и уклоняясь от россыпи беззвучных ударов теней, которые теперь действовали независимо от Ликтора. Мне приходилось не забывать и о самом Ликторе, который вторил своим теням, неистово вертя палашом, словно мельницей.

Уворот. Перекат. Прыжок. Смещение влево... Выжженный знак на руке пульсировал в такт ударам теней, будто расшифровывая их ритм. Вправо. Вновь уворот. Прыжок на стол... Я поскользнулся на пергаменте и, теряя равновесие, слетел со стола. Моя голова в сантиметре пролетела от каменного трона, на который тут же обрушился палаш, высекая искры и дробя каменную крошку. Я, лёжа, прокрутился на спине и оттолкнулся ногами от трона, закатываясь под каменный стол. Вновь удар! Стол гулко загудел в унисон цепей Венхары. Стигмата потянула руку вправо. Я кинул взгляд ту-

да, где в свете сумасшедшей лампы сверкнул холодным блеском чёрный алмаз. Кирка Проходчика, труп которого всё ещё стоял на коленях у стола.

Я перевернулся на живот и стал ползти к заветной кирке. Слева показались сапоги Ликтора. Он наклонился. В просвете под столом сверкнуло широкое и смертельное обоюдоострое лезвие. Рука схватила кирку... Меч погрузился под стол, работая из стороны в сторону, словно ножи на верстаке шкурного мастера, грозя расплосковать меня на кусочки. Я преградил путь лезвию киркой. Прижал его плашмя к земле. Навалился на него всем телом и, сделав несколько перекатов, вынырнул из-за стола и вонзил зазубренную сталь кирки прямо промеж глаз Ликтору.

Тени исчезли. Венхара взвизгнула на невысказанно высокой ноте. Её цепи зазвенели, словно в предсмертной агонии. Из потолка начали вырастать багровые вихри, которые тянулись своими остриями к перламутровому полу.

Я резко встал. С хрустом выдернул кирку из головы Ликтора и направился туда, куда меня тянула пульсирующая стигмата — к статуе Венхары.

Я уворачивался от вихрей, которые грозили превратить меня в перламутровое желе, попутно встречая выросшие из пола фигуры убитых мной рабов. Стигмата подсказывала, что это лишь иллюзия. И я рассеивал фигуры взмахом кирки...

Венхара...

Статуя визжала, опаляемая сизым огнём, и мерцала, словно мираж.

Я увернулся от очередного вихря и, подпрыгнув, ударил киркой снизу по бронзовой чаше, выбивая её из рук Венхары. Рука по инерции отклонилась вверх. Я на миг задержал её, всё ещё находясь в полёте, и обрушил прямо на голову визжащей статуи, вгрызаясь в неё сталью.

Камень треснул. Стены зала задрожали. Крик Венхары оборвался, отражаясь четырёхкратным эхом. Звенья цепей в последний раз вздрогнули и затихли.

Я выпустил кирку из рук. Она осталась торчать в голове треснувшей и безжизненной статуи. Облокотившись на неё, медленно сполз на холодный каменный пол...

Под мерную дрожь горы я наблюдал, как перламутр с пола и багрянец с потолка рассеиваются вместе с сизым дурманом по щелям, что образовались в стенах зала после моей победы над Венхарой. «Душа шахты» постепенно успокаивала свой бешеный темп вращения. Под воздействием её света на стенах вновь начали проступать тени, которые вели себя нормально, не являясь для меня угрозой. Сквозящий воздух в помещении становился всё легче, наполняя лёгкие и выводя из организма остатки дурманного токсина. Шум в голове прекратился. Дыхание стало ровным. Пульс замедлился. Знак на руке неподвижно застыл, но под кожу всё ещё прокрадывались мурашки, будто завершая зловещий ритуал

Я медленно встал и повернулся к Венхаре. Не заметив ни-

чего необычного, ухватился обеими руками за рукоять кирки и выдернул её из камня. Осмотрел инструмент. Поверхность голубоватого обсидиана была ровной и обманчиво спокойной, как гладь океана во время штиля. Металлический наконечник, точно ощерившийся волк, готовый к нападению, угрожал стальным зазубренным оскалом Тяжёлая деревянная рукоять, покрытая гладкой тёмной кожей, соответствовала обхвату моей руки. Такое орудие сложно было потерять в бою. Чёрный алмаз, соединяющий сталь и обсидиан, приковывал взгляд. В его глубине мерцал жёлтый огонёк, словно глаз, смотрящий из бездны. Огонёк чёрного камня пульсировал в такт стигме на руке, словно у этих мистических знаков была одна природа.

Глаз тревожно мигнул, отдаваясь жжением в ладони. За дверью зала послышался скрип.

Я замер, прислушиваясь, затем заткнул трофей за пояс и направился к каменному столу, попутно выискивая взглядом трубу, о которой говорил Шестнадцатый.

Никакой трубы в зале не оказалось. Или он бредил в предсмертной агонии, или я изначально неправильно выбрал направление... Неважно!

— Я подошёл к столу и стал разглядывать объемную карту, которую заметил ещё до боя с Советниками. Карта была старой и ветхой, похоже её создавали ещё во времена правления гномов. На ней были и свежие дополнения со штольнями и спальней пещерой, где я добывал руду и проводил

холодные ночи, но меня больше интересовал пятый уровень, где затаилась загадочная труба...

Я быстро сориентировался по карте, мысленно отмечая зал Совета Четырёх, в котором находился. Отсчитал от него пять дверей. Остановился на комнате допроса. Далее отсчитал ещё пять дверей, только в другую сторону... Дрожащие линии, выведенные чёрным графитом, указывали на небольшую комнату за пятой дверью. На противоположной стене от двери относительно свежая пометка неровным почерком: «печь».

Я мысленно выругался, кляня Шестнадцатого за подсказку, которая вела напрямик туда, откуда рабы не возвращались. Пресловутая печь была кошмарным сном в штольнях. Страшилка надзирателей, после упоминания которой у рабов тряслись колени, а зубы отстукивали время до смертного приговора.

Я вглядывался в надпись «печь», вокруг которой даже воздух казался горячим, даже бумага пожелтела и вспучилась, будто от пламени. Схематично комната располагалась неподалёку от нижнего угла, на котором стояла массивная каменная фигурка Венхары, она фиксировала угол карты, чтобы та не свернулась. Я обнаружил две еле заметные линии, похожие на проход, соединяющий печь и фигурку-фиксатор.

Прижав ладонью карту, я убрал фигурку, под которой увидел необычный рисунок...

Среди угловатых линий штолен, выцарапанных графитом, в самом углу было нарисовано пещерное озеро, над которым извивался искусно изображенный аллигатор. Его чешуя переливалась тончайшими штрихами, будто тушью, а полуоткрытая пасть, полная кинжалообразных зубов, бросала на воду рельефную тень. Контуры зверя были настолько живыми, что казалось он вот-вот сорвётся в глубину, оставив на карте лишь рябь от всплеска.

Значит, выход существовал. Главное, чтобы аллигатор был уже мёртв или оказался вымыслом неизвестного художника.

Я решительно направился к выходу из зала, по пути поправляя экипировку. Проверил, на месте ли папки в подсумке панциря, как вдруг стигмата запульсировала. Я остановился. В этот момент раздался мощный толчок горы. Сверху посыпалась каменная крошка. С потолка обрушился здоровенный валун как раз на то место, куда я должен был шагнуть до предупреждения стигмы.

«Полезный союзник!» — мысленно похвалил я выжженную стигму на ладони в виде цифры «V», чьи линии изгибались, словно следы когтей на песке.

Обогнув валун, я оказался у двери. Кинул взгляд назад... Изломленные трупы оккультистов лежали в лужах обычной крови. Ни багрового тумана, ни танцующих теней — лишь густой запах железа и пыли.

«Чёртов дурман... Или гениальная ловушка?» — подумал

я, кривя губы в подобии улыбки. Жёлтый глаз в глубине чёрного алмаза подмигнул, и на мгновение его зрачок сузился, будто у рептилии.

Я осторожно выглянул за дверь. В освещённом коридоре — ни души, только труп караульного лежал на том же месте. Видимо, остальным не было дела до него. Оно и понятно...

Коридор то и дело дрожал от толчков. Люстры с энергетическими лампами раскачивались, отбрасывая на стены прыгающие тени. Слева, со стороны лифта, доносились голоса легионеров — обрывистые, как удары кирки.

Я уже хотел отложить свой побег и подслушать их разговор, но стигма тянула меня в другую сторону, настойчиво говоря: «Там твой путь...»

Не став упрямыться, зову спасительного знака на руке, я направился к загадочной комнате с печью. По пути мне встретились тела тех, кого я убил во время марш-броска к комнате Совета. Сына претора среди них не было — скорее всего, его уже давно вынесли из шахты.

Рядом с комнатой допроса я почувствовал характерный запах палёной плоти — к горлу подступила тошнота. Дверь была открыта. Я задержал дыхание и мельком бросил взгляд в помещение. Свет от дрожащих люстр коридора выхватывал подкопчённые стены и пол допросной. За столом угадывалась бесформенная чёрная фигура обугленного Зверюги.

«Будто гора Амар-Зул в миниатюре», — подумалось мне. Я поспешил дальше.

За следующим поворотом я услышал негромкие голоса. Замедлив шаг, осторожно выглянул из-за угла. Около ближайшей двери стоял знакомый мне надзиратель. Его глаза бегали из стороны в сторону — словно он стоял на стрёме, то и дело заглядывая за дверь и поторапливая кого-то.

— Тут тоже нет ничего! — глухо и раздосадованно звучал голос подельника из-за двери. — Давай, следующую дверь проверим.

— Сейчас! — ответил надзиратель и стал перебирать ключи на связке.

Связка ключей была внушительной — с такой ходил Зверюга, префект-надзиратель.

— Мародёрствуете? — спросил я, выходя из-за укрытия.

Надзиратель уронил связку ключей и потянулся за дубинкой, что висела на поясе.

— Не советую! — тут же сказал я, выхватывая кирку.

Из-за двери комнаты, где всё ещё находился подельник, щёлкнул затвор арбалета. Кирка в руке предупреждающе дёрнулась.

— П... Проходчик? — с недоверием спросил надзиратель, скользя выпученными глазами то по кирке, то по мне.

Я понимал его сомнения. Измазанный кровью и грязью, я выглядел сейчас как демон, вырвавшийся из преисподней, ещё и с киркой Проходчика в руке.

— Не похож на Проходчика-то, — с тем же недоверием протянул стражник, показавшийся из комнаты, где он маро-

дёрствовал. Его бесстрашный и небрежный тон объясняла взведённая стрела арбалета, смотрящая мне промеж глаз.

— Может, тот беглец? — самым уголком рта молвил надзиратель стражнику.

С последнего толчка земли прошло значительное количество времени. Лампы на потолке успели успокоиться, оставив пляску теней на стенах, но моё боковое зрение поймало на прицел собственную тень — она отдельно от меня встрепенулась, как при ударе, и сделала взмах киркой, отражая неведомую угрозу.

Тут же произошло очередное сотрясение горы. Я вздрогнул и по мановению стигмы сделал тот же самый взмах киркой. Одновременно с этим я услышал щелчок и короткий свист.

Звон наконечника. Надзиратель булькнул. Отбитая мной стрела прошла ему лёгкое. Надзиратель судорожно глотал воздух, будто рыба, выброшенная из воды. Стражник смотрел на меня не верящим взглядом.

Надзиратель опустил на колени, затем завалился на бок, захлёбываясь собственной кровью. Стражник спохватился и, бросив арбалет, выхватил из ножен гладиус. Его руки дрожали от страха...

— Непривычно, когда напротив тебя раб не в кандалах, а с оружием? — спросил я стражника, делая несколько шагов и оглябая его полукругом, словно в танце.

Я уловил движение своей тени. Её очередная подсказка

была лишь подтверждением того, что нервы стражника сдадут и он нападёт первым. Так и вышло...

Он сделал выпад, который я с лёгкостью парировал сталью и тут же резанул обсидианом.

Лезвие прошло сквозь жилы, хрящи и кости, почти не встретив сопротивления. Где-то позади меня что-то шлёпнулось и покатилося по полу. Безголовый стражник, брызжа фонтаном крови, гулко упал, не разгибая ног. Его падению вторила дрожь мрачной шахтёрской горы.

Удивляться остроте обсидиана не было времени. Коридор начал корёжиться и коситься, будто могучая глыба пыталась схлопнуть его вместе со мной в своей каменной пасти. Стигма обожгла ладонь болью.

Я рванул с места, уворачиваясь от летящих с потолка камней. Один из них угодил мне в левое плечо, заставляя терять темп. Ещё об один я запнулся... Сгруппировался в падении. Кувырок. Разворот...

Позади меня потолок провалился в нескольких местах, закрывая путь отступления. Теперь — только вперёд!

Тряска понемногу стихала. Я встал и слегка отряхнулся от пыли. Напротив была та самая «пятая дверь слева от пыток».

Дверь была массивной, словно отлитой из цельного куска бронзы. Её поверхность покрывали замысловатые узоры, изображающие сцены подземной жизни: гномы с кирками, сражающиеся с чудовищами, добывающие руду в недрах земли.

В центре двери, там, где обычно располагалась ручка, находился уже знакомый элемент — голова бронзового аллигатора. Его челюсти сжимали металлическое кольцо, отполированное до блеска - какой резкий контраст с остальной поверхностью двери. Это выглядело как приглашение и как предупреждение одновременно.

Я взялся за кольцо и потянул его на себя. Стигмата призывно запульсировала...

Дверь неохотно открывалась, казалось, что чудовище пытается удержать её своим смертоносным укусом, а смрад, что вырывался из помещения был словно из пасти.

Я вошёл. В комнате кто-то был... Этот кто-то шумно втянул воздух через ноздри, что напомнило мне Ликтора. Холодок пробежал по спине — такой же звук я слышал перед атакой.

— Почему ты не принял приглашение Венхары? — голос низкий, со старческой хрипотцой, прорезал тишину.

— Ты Четвёртый из Совета, — констатировал я, напряжённо впиваясь в темноту.

Мои глаза постепенно привыкали к полумраку. Он стоял в конце помещения у небольшого, высокого, столика, на котором лежали печные инструменты. Я узнал его по шестигранному молоту, покоившемуся за поясом, и маске с кварцевым стеклом, из прорезей которой на меня смотрели фиолетово-мутные глаза. Плавильщик — так по легенде звали Четвёртого из Совета.

— Ты слеп? — спросил я, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Да! — с неожиданной улыбкой ответил Плавильщик, снимая маску. — И стар!

Судя по морщинам на лице, его возраст был примерно таким же, как и возраст горы, в которой мы находились. Плавильщик был гномом, хоть и необычайно высоким для своей расы. Его борода, похожая на седую медь, спускалась до пояса.

— Попытаешься помешать мне? — спросил я, слегка покачивая киркой в руке, чувствуя, как рукоять холодит ладонь.

— Не думаю, что мне это по силам! — Плавильщик всё так же улыбался, словно вёл светскую беседу. — Теперь я вижу — почему.

Стигмата на ладони вспыхнула и запульсировала. Рука от кисти до плеча начала светиться изнутри, как раскалённый кварц. В воздухе раздался запах опаляемых волос, но боль не пришла — лишь приятное тепло разливалось по венам.

Плавильщик смотрел на руку, затаив дыхание. В этот миг казалось, что он действительно прозрел. В свете «раскалённой» руки я увидел прозрачный блеск в его глазах, где отражалась вся надежда мира.

Стигмата потянула меня к Плавильщику. Я смиренно отдал ей контроль над телом и стал наблюдать. Вот моя рука касается ладонью морщинистого лба, опускается вниз, к глазам...

Свет выстрелил из руки через стигму, и голова старика засветилась цветом раскалённой лавы. Его слегка подняло в воздух. Вспышка света...

Я одёрнул руку, вновь обретая контроль над своим телом, и отступил к выходу, тяжело дыша. Всё тело нестерпимо болело, будто меня разделили на кусочки, а потом заново собрали. В груди и в голове гудело, как внутри пустого колокола после набата.

— Я вижу... — раздался голос Плавильщика, полный благоговения.

Он упал на колени. В его небесно-голубых глазах крупными каплями стояли слёзы, отражающие весь спектр эмоций от изумления до благодарности.

— Кто он? — спрашивал меня Плавильщик, поднимая взгляд к невидимому небу. — Что за Божество, способно победить Венхару, а меня — слепого с рождения гнома наградить зрением? Скажи мне, Пятый! Кто Он?

«Unum Deum», — пронеслось в голове, словно эхо древних молитв. А вслух я сказал:

— Единый Бог!

— Единый Бог... — повторил гном, и в его голосе прозвучала новая, неведомая ранее сила.

Словно заново учась ходить, он медленно встал с колен, распрямив спину, подошёл к огромной бронзовой чешуйчатой створке в конце комнаты и распахнул её, отойдя назад, жестом приглашая меня в зияющую тьму печи.

— Что там? — спросил я с тревогой.

— Ещё одно недоразумение, которое, заблудшие называют богом. — Плавильщик светился улыбкой и радушием, приглашал меня в уютную обитель. — Но избраннику Единого Бога, этот божок, разве что, на один зубок!

Плавильщик рассмеялся совершенно беззаботным смехом.

— Я же, подошёл к печи и глядя в её тёмное зеву, неуверенно произнёс:

— Мне бы факел...

— А зачем? Неужели ты ещё не прозрел? — сказал Плавильщик и, подхватив меня сзади, швырнул в темноту.

Его голос эхом отдавался в ушах, пока я скользил по металлической трубе: «Доверься Единому Богу!»

Я мчался вниз по скользкой трубе, подхваченный невидимым вихрем. Навстречу нёсся тошнотворный запах гниющей плоти — он забивался в нос, вызывал спазмы в желудке. Стены вокруг сочились чем-то липким, и каждый миг скольжения отзывался в ушах отвратительным хлопанием. В голове кружились мрачные мысли..

«Куда меня занесло?! — Неужели это конец?!»

С каждым мгновением мне казалось, что я отдаляюсь от выхода и погружаюсь всё глубже в недра мифриловой горы. Тьма вокруг становилась гуще, и в ней чудились зловещие тени. Страх сковывал душу ледяными цепями, а разум наполнялся отчаянием. Мышцы сводило от напряжения, голо-

ва кружилась

«Что ждёт меня внизу? — думал я, с трудом сдерживая подступающую панику. — Может, это ловушка, из которой нет возврата?!»

Мысли становились всё мрачнее. Я вспоминал слова Плавильщика... «Доверься Единому Богу!» — эхом раздавалось в ушах. Но где же теперь этот Бог, когда я так нуждаюсь в помощи?!

И вдруг... труба оборвалась! «Нет!..» — мелькнуло в сознании.

Я почувствовал себя невесомым, словно перышко, подхваченное бурей. Свободное падение! Сердце замерло, дыхание перехватило. Время остановилось, а пространство вокруг превратилось в чёрную бездну. В глазах потемнело, в ушах зазвенело. Я крутился в пустоте, теряя ощущение собственного тела, и лишь обрывки мыслей: «Это конец... Я погибну здесь...»

И вот — резкий удар!

Я погрузился во что-то твёрдое и хрупкое, похожее на разбившееся стекло. Молча, преодолевая боль в руках, я с трудом выбирался из груды осколков, пока не оказался на поверхности.

Фиолетовый свет мифриловых кристаллов, торчащих из сводов пещеры, ослепил меня. Я стоял в центре пещерного озера на груде человеческих костей. Они хрустели под моим весом, и в этом хрусте чудился злобный голос мертвецов,

укоряющих меня за вторжение в их царство.

Вокруг царила мёртвая тишина, нарушаемая лишь моим тяжёлым дыханием и плеском воды. «Теперь я действительно в аду», — пронеслось в голове.

Страх холодной змеей заполз в душу, и я понял: выход из этого кошмара будет нелёгким, если вообще возможным...

Всплеск. Я замер, вглядываясь в темноту, которая поглощала собой мифриловый свет. Что-то огромное угадывалось на поверхности воды, как выступающая, каменная гладь.

Я несколько раз моргнул. Нет, не показалось. Нечто приближалось, возвышаясь над озером, словно древняя каменная платформа. Широкая и плоская, она казалась частью давно забытых руин, случайно всплывших из глубины. Поверхность её была тускло-тёмной, с едва заметными неровностями, то ли остатков каменной кладки, то ли странных наростов. В глубине души зарождалось странное чувство, что это может быть шкура, покрытая чешуйками или бугорками...

Вторя моим размышлениям, поверхность «платформы» всколыхнулась, будто от дрожи. В её передней части показались два отверстия, пышущие паром в такт дыханию неведомого существа. На мифриловый свет всплыла мощная трапециевидная голова. В её основании из чешуйчатых разрезов полыхнула оранжевым огнём пара рептилоидных глаз. Мутная мигательная перепонка увлажнила их. Взгляд хищника дёрнулся, оглядывая своды пещеры. Зрачки сузились, когда

гигантский аллигатор заключил в них два моих отражения.

«Как же я устал...» — пронеслась предательская мысль.

Несмотря на кажущуюся медлительность, хищник молниеносно бросился на меня, взбираясь по горе костей. Его скрюченные лапы разбрасывали человеческие останки. Пасть с острыми зубами дёрнулась туда, куда я собирался прыгнуть.

— В последний момент я изменил направление. В воздухе раздался металлический звук. Боковым зрением я заметил, как сомкнулись челюсти чудовища. Перекатился в сторону и принял удар чешуйчатого хвоста грудью.

Воздух выбило из лёгких. Стигма на руке вспыхнула болью, не давая выпустить рукоять кирки. Я покатился по костям, поднимая вихрь из останков. Вода остановила падение, холод пронзил тело судорогой. Вынырнув, я жадно глотнул воздуха и вскарабкался на костяную гору.

Заметив размытый силуэт слева, я рванул прочь, огибая гору по спирали. Сзади раздавался хруст костей и утробный рык. Не оборачиваясь, чтобы не потерять скорость, я почти достиг вершины. Оттолкнувшись от черепа с пустыми глазницами, я отклонился назад. Пещера закружилась перед глазами.

Чудовищная пасть щёлкнула у самого носа. Сделав сальто, я приземлился на чешуйчатую спину аллигатора. Монстр забрыкался, пытаясь сбросить меня. Ухватиться было не за что. Я попытался вонзить кирку в хищника, но лишь высек

искры из толстой каменной шкуры. Потеряв равновесие, я полетел в сторону. Хвост чудовища стеганул по ступне, выворачивая сустав.

В воздухе снова клацнуло. Кирка, которую я держал мертвой хваткой оказалась в пасти аллигатора. Сделав вращательное движение головой, он подбросил меня, готовясь раскусить пополам. Но стигма приказала:

«Отпусти!»

Я разжал пальцы и отклонился от траектории падения. Кирка исчезла в пасти монстра. Я рухнул рядом, рассыпая кости, и сделал несколько перекатов. Корчась от боли в ступне, поднялся.

Аллигатор не торопился. Его ядовитая ухмылка казалась почти человеческой. Я видел своё искажённое отражение в его оранжевых глазах.

«Последний рывок», — подсказала пульсирующая стигма.

— Монстр был настолько огромен, что мог проглотить меня целиком. Я заметил, как он напрягся перед прыжком. Превозмогая боль, я сделал то же самое.

Мы прыгнули навстречу друг другу. Чудовищный смрад тысяч трупов ударил в нос. Я прижал левую руку к телу. Правую выбросил вперёд и зажмурился, молясь, чтобы зубы не сомкнулись раньше времени.

Клацанья я не слышал. Чавкающие звуки наполнили пространство. Тьма сомкнулась вокруг меня, словно саван.

Я чувствовал, как мощные мышцы сжимаются вокруг тела, как шершавая внутренняя поверхность глотки царапает кожу. Воздух превратился в затхлый запах смерти и разложения.

Время остановилось. Я ощущал каждый удар своего сердца и каждое движение чудовища, но мерно, пульсирующая стигмы напоминала, что сдаваться нельзя.

Пульс замедлился, подстраиваясь в такт ударов сердца чудовища. Медленнее... Медленнее... Моё сердце — его сердце... Моё тело — его тело...

Оно словно наполнялось тягучей силой. Мир вокруг искажался, расплывался... Моё сознание затопило чужими ощущениями. Я видел ту же пещеру с грудой гостей, но глазами монстра. Его глаза приглушали тона, но ярко очерчивали контуры, движущихся объектов...

Я видел насекомых, копошащихся в костях, и мелких гадов, плавающих в озере... Ящериц, снующих по сводам пещеры... Но мне не было до них дела. Важно было сохранить энергию для пути к своему дому...

В искажённом сознании вспыхнул образ гладкого камня под палящим светом. Да, там можно уютно расположиться и перенаправить движение крови в желудок, чтобы переварить добычу. А пока...

Я погружаюсь в озеро, чувствуя покрытой твёрдыми щитками кожей податливую водную среду. Я с наслаждением впитываю жабрами холодную, пахнущую тиной воду.

Всё глубже и глубже мощные взмахи хвоста толкают меня вперёд. Вода давит со всех сторон, но это не пугает — это естественно... Впереди зияет тёмная расщелина — узкая, извилистая, но достаточно просторная, чтобы протиснуться. Я устремляюсь в неё, рассекая воду сильными гребками.

Внутри расщелины темнота почти абсолютная. Лишь изредка мельтешат отблески света, пробивающиеся сквозь трещины в стенах. Я плыву вперёд, чуя носом запахи глубин, улавливая малейшие колебания воды. Но в это же время я заперт в тесном пищеводе. Я испытываю удушье и тошноту. Мне кажется, что пространство вокруг сжимается, словно тиски, а шершавые стенки готовы разорвать меня на части. Но сквозь эти ощущения пробивается странное спокойствие, будто бы тело чудовища — моё тело и оно надёжно защищает меня от внешнего мира.

Вскоре расщелина расширяется, и я выплываю в широкий водоём. Сквозь толщу воды тускло проглядывает свет — бледный, призрачный, но всё же дарующий надежду. Я всплываю на поверхность, ломая грудью водную гладь.

Глаза не способны оценить красоту полной луны и сверкающих звёзд на небосводе. Для меня - чудовища мир сверху лишь размытое светлое пятно. Но мне, запертому внутри, луна и звёзды кажутся далёкими, манящими огоньками свободы.

Стигма в руке запульсировала — резко, болезненно, на-

стойчиво. Она соприкоснулась с рукоятью кирки. Я словно пробуждался от тяжёлого сна, мой разум прояснялся, а воля крепла. Отчаянно вцепившись в рукоять кирки я начал яростно резать изнутри толстую плоть чудовища.

С каждым ударом аллигатор вздрагивает, выплёскивая в воду клочья пены и крови. Боль ослепляет его, дезориентирует, заставляет метаться из стороны в сторону. Но я не останавливаюсь, чувствуя, как с каждым ударом приближается свобода, а воля чудовища во мне отдаляется и тускнеет, словно сон после пробуждения.

Наконец плоть поддалась... Ещё удар — и кирка провалилась наружу, расковыывая движения. Я тряс киркой из стороны в сторону, вгрызаясь в плоть чудовища орудием, ногтями, зубами...

Рот наполнился контрастом из ледяной воды и тёплой тягучей крови. Аллигатор вздрогнул в последний раз и замер, погружаясь вместе со мной на глубину.

Как рыба, выброшенная на берег, я отчаянно забился всем телом. Лёгкие жгло от недостатка воздуха. Спасительная поверхность отдалялась под тяжестью туши аллигатора.

Наконец я вырвался из чрева чудовища, целиком погружаясь в холодную воду. Руки и ноги тут же сковало судорогой, но я, не обращая на это внимания, разгонял толщу воды всем телом, закинув голову вверх, пожирал глазами приближающийся призрачный свет...

Я жадно глотнул свежий морозный воздух, ощущая, как

жизнь возвращается в тело. Я не чувствовал, обжигающий холод воды, только пульсирующая в руке стигма и рукоять кирки. Луна и звёзды теперь не размытые пятна, а яркие, чёткие огни, дарующие надежду и силу.

Я смотрел на предрассветное небо и упивался свободой. Холодный ветер хлестал мокрое тело, но я улыбался. Впервые за долгое время я чувствовал себя по-настоящему живым.

Стигма на руке продолжала пульсировать. Я знал — это ещё не конец, но сейчас... Сейчас я был жив, свободен и готов к новым испытаниям.

ЛИАМ. Трущобы

Раскалённый солнечный диск едва лизнул горизонт. Почти весь город Азхарна ещё сиял под его палящим золотым светом, но Угрюмый квартал вблизи Лазурного порта уже погружался в сумерки. Вечно тёмные узкие улочки, пропитанные сыростью и зловонием нечистот, казались мрачными и зловещими. Из сточных канав доносилось тихое шипение, а в воздухе витали запахи гнили и тухлой воды. Редкие шаги прохожих эхом отражались от сырых стен, а обрывки разговоров тонули в гнетущей тишине. Бросая осторожные взгляды по сторонам, они торопились к своим лачугам — в надежде укрыться в них до того, как коварная ночь полностью окутает их жалкие жилища тьмой.

Лиам стоял в укромном закутке проулка, чувствуя, как липкий пот стекает по вискам. Он нервно ощупывал широкий пояс со снаряжением. В его глазах отражалась тень беспокойства. Мысли кружились в голове: «Где же этот Чудак? Как всегда увлёкся, или что-то случилось?»

Сердце билось чуть быстрее обычного, а каждый шорох заставлял невольно напрягаться. Мрачность и опасность квартала давили на него, словно тяжёлые камни, но в то же время в глубине души теплилась решимость — Лиам понимал, что от успеха задуманного зависит слишком многое.

— Он окинул взглядом угрюмые дома с покосившимися

ставнями, заметил тусклый огонек в окне одной из лачуг и снова ощутил тяжесть пояса. В этот момент мир вокруг словно замер, будто сама атмосфера угрюмого квартала ждала первого шага героя в пучину неизвестности.

Ставни открылись. В проёме показалась фигура Чудака. На его смуглом лице, под недавно выросшим пушком над верхней губой, играла торжествующая ухмылка. Глаза сверкали от возбуждения, отражая отблески воровской удачи.

Лиам вышел из тени и нетерпеливо выставил вперёд руки. Его сердце билось учащённо, а ладони слегка вспотели от волнения. Чудак, поймав его взгляд, что-то подкинул в воздух. Лиам ловко перехватил предмет и вновь скользнул в тень, стараясь остаться незамеченным.

— Наконец-то! — шептал он, отвязывая от камня свёрнутый в трубочку маленький пергамент.

Развернув его трясущимися от нетерпения руками, Лиам быстро скользнул глазами по содержимому записки. Буквы словно плясали перед взором, но он всё же сумел разобрать слова: «Север порта. Зброшенная сторожка. На закате».

Мысли вихрем кружились в голове: что ждёт его в заброшенной сторожке? Сможет ли он разгадать тайну, скрытую в этих кратких строках? Возбуждение подкатило к горлу. Времени оставалось впритык. Он слишком долго выслеживал гада. Нельзя было опоздать на встречу ...

Торопливо затолкав записку в подсумок за пояс, он вновь вышел из тени и заглянул за угол дома. На основной

улице квартала было тихо, только где-то неподалёку раздался всплеск выливаемых нечистот из окна. Лиам поднёс ко рту руки, сложил их лодочкой и подал знак, изобразив трель огненного стрижа. Затем вышел на улицу и лёгкой трусцой устремился в сторону порта.

Он бесшумно скользил по кварталу, благодаря своей ловкости, знанию местности и удобной, прочной обуви. Лёгкий бриз уносил тяжёлые запахи трущоб, обдавая лицо под капюшоном свежим дыханием солёного моря. Вдалеке показалась знакомая рябь водной глади, как вдруг улицу преградили пятеро.

Лиам перешёл на шаг, приближаясь к шумной компании.
— Эй, бродяга! — окликнул один из них. Его язык слегка заплетался, слова растягивались, как нуга на прилавках Восточного базара. — Ты, случаем, не заплутал?

Улицу огласил мерзкий гогот. Компания была явно подвыпившая.

Лиам уверенно шёл вперёд, слыша, как позади, из разных проулков, к нему присоединяются его люди.

Слева появилась Шелест. Её гибкое тело двигалось словно тень, а за поясом поблескивал Шамшир — изогнутый клинок, способный, как песчаная змея, проскользнуть в любую щель. Компания впереди заулюлюкала, завидев тонкую фигурку девушки.

Справа возник Склон — невысокий, но широченный в плечах громила. Его тяжёлая походка могла сбить с толку

любого, но Лиам знал, что Ятаган в руках Склона бьет быстро, сильно и точно, словно молот кузнеца.

Пьяные переглянулись с тревогой.

Лиам продолжал идти, чувствуя, как напряжение нарастает с каждой секундой. Чужак бесшумно появился справа, его предательская шпага «Шило» могла найти брешь даже в доспехе янычара. А слева, с надменной полуулыбкой, выступил Мудрец, шагая с Лиамом вровень, как бы подчёркивая, что лидерство Лиам — лишь формальность. Мудрец вытащил из ножен свой Кумган «Путь Каравана» — широкий и прочный клинок, украшенный узорами в виде караван-сарая.

Лиам хмыкнул, делая засечку в уме: надо будет проучить наглеца за то, что вынул клинок вперёд предводителя.

Пьяная компания попятилась, но самый болтливый из них выхватил клинок. И тут же замер, увидев, как Лиам дёрнул на ходу подол накидки, обнажая эфес Дахша.

Тусклый опал на рукояти сабли словно впитывал в себя свет, делая оружие похожим на древний артефакт. Едва заметные переливы в глубине камня напоминали далёкие звёзды в ночном небе.

— Стрижи! — прошептал кто-то из пьяных, и компания, словно крысы с тонущего корабля, бросилась врассыпную.

Мудрец захохотал, его смех эхом отразился от стен:

— Сбежали, как трусливые шакалы! — Он поднял с мостовой выроненный кем-то клинок. — Ну что, Лиам, теперь-то ты признаешь, что я...

Но Лиам уже не слушал. Его взгляд был устремлён вперёд, к выходу из квартала, где блестел в лучах заходящего солнца морской простор.

— Позже, Мудрец, — бросил он через плечо. — Сейчас у нас есть дело поважнее.

Стрижи покинули Трущобы и вышли на мостовую Лазурного порта. Воздух здесь совсем посвежел. В нём смешались запахи солёной морской воды, влажных корабельных палуб и пряных специй. Также в воздухе витали нотки терпкого вина, аппетитных блюд из таверн — сытных похлёбок и хрустящих закусок. Несколько дней призрачной погони без сна и отдыха давали о себе знать. Быстрые перекусы на ходу лишь усиливали голод. Манящий букет запахов порта бередил сознание голодных стрижей.

— Лиам, брат! — жалобно простонал Склон, вторя урчанию своего живота. — Я больше так не могу. Это выше моих сил!

Он с вожделием посмотрел на вывеску ближайшей таверны. На ней был изображён краб, держащий в клешнях две кружки пенного. Глядя в его сторону, громила провёл языком по губам, словно слизывая пену с кружек на вывеске.

Лиам лишь качнул головой. Шелест тут же объяснила здоровяку, что сейчас не лучшее время для «привала».

— Есть новости? — тут же воодушевился Склон, обращаясь к командиру.

— Не здесь! — отрезал Лиам. — Слишком много ушей...

Порт кипел жизнью. Повсюду бродили пьяные матросы. Они переругивались и распевали песни на чужом для Азхарны языке. Подобно ударам топора, их речь звучала жёстко и отрывисто. Лиам невольно поморщился, прислушиваясь к этим грубым звукам.

Несколько дней назад в Лазурный порт прибыло неожиданное пополнение — малое соединение флота далёкой империи. В гавани красовались три корабля с высокими мачтами. На мачтах развевались флаги с изображением зелёного змея, пожирающего золотое солнце.

— Мудрец презрительно плюнул в сторону кораблей, исподлобья глядя на флаги. Проходящие мимо legionеры напряглись и что-то пробормотали в адрес Мудреца. Тот схватился за рукоять меча, но Лиам удержал его руку, кивнув в сторону янычаров.

Те приближались к стригам. Их доспехи громко звенели.

— А ну, растворились! — скомандовал Лиам и, хватая Чудака за подол серой накидки, добавил:

— Ты — со мной!

Стрижи словно призраки рассеялись в толпе. Legionеры, которым не понравилось, как Мудрец отнёсся к имперской символике, недоумённо озирались по сторонам и растерянно чесали затылки.

Янычары остановились, грозно возвышаясь над матросами. Те тут же стушевались и поспешили убраться подальше от этих стальных воинов в масках.

— Почему так долго? — нетерпеливо спрашивал Лиам на ходу.

Они с Чудаком пробирались сквозь толпу, огибая посетителей портового рынка. Вокруг царила суета: торговый день подходил к концу, и продавцы отчаянно старались сбыть скоропортящийся товар. В этих оживлённых спорах о цене Лиам не боялся, что их кто-то услышит.

— Замок подкачал, Лим! — ответил Чудак, небрежно пожимая плечами.

Он сделал едва заметное движение — и вот уже яблоко из ближайшего прилавка оказалось у него в руках. Он дыхнул на него, обтёр о свою накидку и с хрустом откусил половину. Сок стекал по его губам, но Чудака это, казалось, ничуть не смущало.

Лиам бросил на него раздражённый взгляд:

— Тебе что, монет жалко?

Чудак, с набитым ртом, промямлил:

— Так времени нет! Сам же сказал...

Лиам покачал головой, достал из кошель медную пылку и подбросил монету через плечо. Та звонко приземлилась на прилавке с яблоками.

— Продавец мгновенно схватил монету, окинул взглядом товар и заметил пропажу яблока. Затем он надкусил пылку, проверяя её подлинность, и, удовлетворённо кивнув, убрал монету под прилавок.

— Эй-ей! — запротестовал Чудак, когда к нему сзади под-

кралась Шелест, ловко выхватывая половину яблока из руки.

— Сколько можно учить тебя делиться добычей, Чудак? — проворковала Шелест, передавая яблоко Склону. Тот тут же проглотил фрукт, практически не разжевывая.

— Кстати, о добыче... — пробасил громила, ковыряя ногтем между зубами. — Ты ведь что-то стянул из той лачуги?

— Только маленький кусочек пергамента, — ответил беззаботно Чудак, но в его взгляде промелькнул тот самый вороватый блеск.

— Ну-ну! — саркастично протянула Шелест, выставляя на свет руку, словно любясь ноготками на аккуратных пальчиках. В свете заката сверкнуло красным. На указательном пальце девушки было надето кольцо, явно ей не по размеру. Лиам кинул на него короткий взгляд.

Массивное золотое кольцо с печаткой в виде льва, инкрустированное турмалином. Камень переливался на солнце зелёно-гранатовым цветом. Чудак машинально дёрнулся к своей сумке, но затем решил скрыть волнение, делая вид, что поправляет пояс.

— Эта безделушка не из лачуги, — сказал он отстранённо, глядя вверх стрижей, будто любясь закатом.

— Врёшь, плут! — выпалил Склон, пригрозив Чудаку широченным кулачищем.

— Конечно врёт! — вторила Шелест, повышая голос, так как шум моря становился всё ближе.

— Если не из лачуги, значит уже сходил к оценщику. Если

сходил, а оценщик не принял, значит — безделушка. Только вот камешек-то дорогой...

— Всего лишь кварц, — Чудак попытался изобразить невинную улыбку и уже хотел стянуть перстень с пальчика девушки, но та отдёргнула руку.

— В этот момент зазвучал голос Мудреца, который только что присоединился к компании. Лиам заметил пятно крови на его рукаве. Атмосфера слегка накалилась.

— У оценщика не оказалось монет для покупки вещицы! — заявил Мудрец с издёвкой.

— Как всегда, мудришь... — Чудак покачал головой.

Стрижи миновали рынок, спускаясь с мостовой порта по высокой и широкой лестнице, ведущей к белому пляжу. Лиам слегка отстал, пропуская стрижей вперёд. Он чувствовал, как напряжение в группе растёт, и ждал подходящего момента, чтобы вмешаться.

— Когда их головы скрылись за мостовой, он остановился и, облокотившись на перила, громко сказал:

— Мудрец, у тебя рука в крови!

Команда тоже остановилась и повернулась к нему. Мудрец дёрнул за рукав рубахи, прикрывая разбитые костяшки пальцев.

— Ты же знаешь, что нельзя нападать на гостей Азхарны без видимых причин. — раздражённо бросил Лиам.

— Порт — нейтральная территория! — возразил Мудрец, глядя с вызовом на лидера.

— Только не для нас! — оборвал Лиам.

Они стояли, сверля друг друга взглядами. Лиам — на две ступени выше Мудреца — смотрел сверху вниз, напоминая зарвавшегося своё место.

— Когда я скомандовал: «раствориться», ты понял это как: «привлечь к себе лишнее внимание»? — Тон Лиамы был как всегда спокойным и вкрадчивым.

На смуглом лице Мудреца выступили красные пятна. Видно было, что он готов был взбунтоваться. Остальные жадно наблюдали за развитием событий. «Как стая волков», — подумал Лиам. — «Интересно, если Мудрецу вдруг вздумается оспорить моё лидерство, кого они поддержат?»

Мудрец несколько секунд выдерживал взгляд Лиама, его кулаки непроизвольно сжались, но в конце концов он отвёл взгляд, решая уступить — по крайней мере, на этот раз.

— Просто проучил парочку имперских шакалов... — пробормотал он, спускаясь на ступеньку ниже.

Лиам никак не стал это комментировать. В этой схватке он отстоял своё положение, хотя вопрос с непокорным Мудрецом ещё висел в воздухе.

— Чудак, ты — дурак, если думаешь, что я поверю в басню с замком, — Лиам переключился ещё на одного нерадивца. — В лачуге кто-то был, и этот кто-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.